

Павел Катаев

Без собаки

книга прозы

Павел Катаев

Без собаки. Книга прозы

«Издательские решения»

Катаев П.

Без собаки. Книга прозы / П. Катаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833083-4

Тексты написаны в течение последних двадцати лет — вымышленные истории, основанные на впечатлениях от необратимых изменений в жизни персонажей...

ISBN 978-5-44-833083-4

© Катаев П.
© Издательские решения

Содержание

Без собаки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Без собаки

Книга прозы

Павел Катаев

© Павел Катаев, 2017

ISBN 978-5-4483-3083-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Без собаки Роман

И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме.

Н. В. Гоголь, «Мертвые души».

Он проследовал к пляжу и как обычно, по утрам, не раздумывая, плюхнулся в воду. И вот тут-то обнаружил, что барахтается точно в клетках в бесчисленном множестве медуз, студенистых комков, от прикосновения которых...

В общем, гадость!

За ночь в природе произошли значительные перемены: погода испортилась, ветер стал холодным, море тоже стало холодным, и к берегу пригнало миллиарды медуз.

Местные старожилы утверждали, что именно в конце августа – начале сентября здесь наступает резкое похолодание, но через недельку-другую погода восстанавливается, море теплеет, и снова наступает летняя жара.

Да, так будет. А сейчас пора уезжать!

Наступившее похолодание и миллиарды медуз, больших и маленьких, он также воспринял, как подарок...

В предложенном отрывке некоторое недоумение может вызвать словцо «обычно». Помните? «Он проследовал к пляжу и как обычно, по утрам...» и так далее. Уже хотя бы потому это не могло быть «как обычно», что в описываемом поселке он был впервые в жизни и провел здесь всего лишь чуть больше двух недель. За столь короткое время обычаи уж никак не мог выработаться. Однако в данном случае субъективность восприятия берет верх над объективной реальностью, и он глубоко убежден, все его поступки, повторявшиеся всего несколько раз, не коротенький эпизод в дальнейшем долгом существовании, а само существование.

Этот эпизод еще возникнет в тексте через некоторое время.

Лист тонкой глянцевой бумаги с цветной картинкой небывалого по красоте города с серебряными домами-скалами на фоне ярко синего неба. А рядом, в раскрытой коробке кучкой навалены картонные кусочки – с одной стороны ярко раскрашенные, с изнанки же – бурые и скучные. Если как-то умудриться правильно сложить их все, как раз получится та же самая цветная картинка города, что на тонкой бумажке, но теперь уже как мозаика из глянцевых картонных кусочков.

Поначалу неровные очертания кусочков вызывают недоумение: что это за неумеха (жуткое слово – неумеха! – верно? – и никогда бы, уважающий себя писатель, находясь в сознании, не употребил бы его) взялся вырезать из картона! Вместо квадратика, или кружочка, или ромбика получилось ни то, ни се, точно вырезалось маникюрными ножничками.

Но очень скоро начинаешь понимать: именно благодаря неровностям, выступам и впадинкам, кусочки удивительным образом проникают друг в друга, намертво сцепляются, и вдруг оказывается, что непонятные каракули на разных кусочках, соединившись, образуют переплет окна или очертания самолета в небе.

В коротких штанишках на лямках и в чулках, пристегнутых к лифчику резинками, мальчик ползает по скользкому натертому воском паркету чужой квартиры и выбирает из пестрой глянцевой кучки нужный фрагментик рисунка, который по очертаниям подойдет к незаполненному отверстию в будущей картинке.

Почему же – в будущей? Да потому, что картинка еще не составлена.

Не сегодня придумали эту игру. И не вчера. А очень и очень давно. Она уже тогда была, в далеком детстве, когда Владимир Семенович вместе с девочкой со странным именем Джоди играл в игру со странным названием – «пазл», что значит головоломка. Игра приехала с девочкой Джоди в послевоенную пыльную и неприглядную Москву из далекой – голубой и прекрасной – страны со странным названием Америка и из такого же странного и восхитительного города, называемого Нью-Йорк.

Ничего непонятного, а уж тем более таинственного, в этой игре нет. Здесь требуется терпение и еще раз терпение. Один кусочек не совпадает с другим – не беда: где-то в коробке лежит нужный кусочек, а теперешний, который сейчас никуда не лезет, пригодится в другой раз, когда образуется очередное пустое окошко.

Итак...

Мальчик собирает свою картинку (серебряные дома-скалы), а девочка Джоди свою – небывалой красоты сад с кустами, покрытыми крупными красными цветами, пышными деревьями, пальмами, и все это на фоне яркого синего безоблачного неба, точно такого же, что на его картинке с небоскребами.

Обе картинки одинакового размера и состоят из равного количества кусочков. Игра на скорость.

Джоди стремительно выхватывает из коробки очередной кусочек пазла, примеряет с соседним кусочком, и – если не подходит – бросает назад в коробку, и достает следующий. Девочка наслаждается игрой, глаза ее сияют, а уж если везет, и кусочек совпадает с просветом, она быстро поворачивается к мальчику и высовывает розовый язычок.

Мальчик тоже получает удовольствие от игры. Главное, никуда не надо спешить, ясно, что спешка не поможет, что следует терпеливо доставать из коробки все новые и новые кусочки, а некоторые, хотя они и не подошли в данный момент, не обязательно возвращать в коробку, а можно оставлять под рукой, потому, что их черед близок!

Девочка в коротеньком платьице и без трусиков, и мальчик с любопытством разглядывает раздвоенный абрикосик у нее между ног. И сейчас, снова превратившись в мальчика, сидящего на натертом паркетном полу против маленькой нежной девочки среди ярких картинок и кусочков пазла, Владимир Семенович даже засмеялся от удовольствия.

Но вот он чувствует: широкая улыбка на его лице сменяется выражением крайней озабоченности. Словно бы человек пытается понять что-то важное, но понимание от него ускользает.

Устраиваешься в своем любимом «офисном» кресле на колесиках, включаешь компьютер, и неведомая сила перемещает тебя, Бог знает, в какие времена.

Что за удовольствие, откинувшись на спинку компьютерного кресла и закинув за голову сцепленные руки, вновь очутиться в грустном и одновременно радостном мире воспоминаний, в определенном месте и в определенное время, и твердо знать, что все еще в твоей жизни впереди.

И тогда, в том твоем прошлом ты твердо знаешь: в таинственном и таком желанном будущем твоя жизнь уже существует, в самом что ни на есть прекрасном виде – увлекательная, гармоничная, в меру веселая, в меру печальная, наполненная живыми персонажами, связанными между собой определенными отношениями.

И так далее, и так далее, и так далее...

Остается лишь проникнуть из только что вновь обретенного прошлого в пока что еще не изведанный, но наверняка совершенный мир будущего. Получится или не получится – гарантии никто не дает.

То же самое происходит, наверное, и с литературным творчеством. Хотя книг уже написано, да и сейчас пишется, очень много, далеко не каждая из них соответствует своему идеалу, уже существующему где-то там, в безграничных просторах Природы. Лишь единицы совпа-

дают со своим идеалом. В остальных же случаях идеал слабой тенью промелькнет в мечтаниях сочинителя и навсегда исчезнет, не оставив следа.

Автор бросается вдогонку, да уж куда там – нет ничего! Вот он и выдумывает, Бог знает, что, накручивает, притягивает за уши, шьет белыми нитками, умничает, толку же – никакого.

У Владимира Семеновича достаточно здравого смысла, чтобы понять, что это именно его случай. Хотя он всячески отмахивается от этого соображения, считая, что в оценке собственного творчества возможна ошибка. «Ведь автор воспринимает свое произведение, скажем, „таким-то“, в действительности же оно являет собой совсем, совсем другое!».

Кстати, где именно в Природе, в какой ее части, существует оригинал? Судя по всему, в голове того автора, кого неведомая сила толкнула поразмышлять именно на эту тему. Так что, в этом смысле, следовало бы хорошенько задуматься, прежде чем приступить к работе.

Впрочем... Задумывайся – не задумывайся, но лишь результат покажет, что именно было заложено в самом начале – полновесное зерно или пустота в шелухе.

Улетая в воспоминаниях в свое далекое прошлое, Владимир Семенович испытывал довольно серьезное душевное неудобство, если так можно выразиться. Разве же этот персонаж – он? Конечно же, нет! Получается, что он – теперешний не только незаконно внедряется в чью-то чужую жизнь, но и не вполне точно эту жизнь освещает, и возможно внедряет в нее картины, которые есть не что иное, как плод воображения.

Потому-то для собственного душевного удобства Владимир Семенович готов был заменить в том воспоминании местоимение «я» словами «маленький игрок».

Вроде бы – как просто: нырнул в прошлое, схватил нужную тебе деталь (или даже целый эпизод) и вынырнул. Уж куда, казалось бы, проще. Но что поделывать со своей современной душой, наполнившейся вдруг живыми и горячими воспоминаниями из давно прожитой жизни?

Как и зачем он оказался там спустя столько лет?

Пора выбираться из-под груза воспоминаний, из-под обломков прошлого, и, увы, оставлять в невозвратной глубине, такой прекрасный эпизод – игру в американскую головоломку с девочкой Джоди. Ведь этот пестрый кусочек картона с неровными краями в задуманную книгу никак не встроить! Неужели же сия дивная картинка вспомнилась впустую?

Нет! Конечно же, нет!

Дело в том, что именно тогда в голове маленького игрока возникло одно чрезвычайно важное соображение, которое теперь, будучи взрослым, он бы так сформулировал:

«Неровные квадратики американской головоломки, лежащие бессмысленной кучкой в коробке, в действительности не что иное, как метафора. Да, да! Метафора! Ведь и моя книга, еще не написанная, а пока только задуманная, да и то лишь в самых общих чертах, на самом деле уже существует в каком-то измерении, со всеми своими героями, эпизодами, неожиданностями, валяющимися в полнейшем беспорядке в какой-нибудь коробке. Только достань и сложи в нужном порядке!»

Вот именно, теперь, будучи взрослым... Тогда в далеком детстве он оперировал не теми терминами. Да и о собственной книге он тогда, разумеется, не задумывался. Но суть оставалась именно такой.

Итак.

Некий персонаж стремительно выносит свое тощее длинное тело из квартиры, деловито засовывая в карман широкой куртки какой-то тяжелый предмет. Он резко отбрасывает от себя дверь, точно старается поскорее от нее отделаться. Дверь не захлопывается, остается приоткрытой. Мешает цепочка, с лязгом вылетевшая вслед за ним, словно бы стараясь подглядеть, как он дальше поступит.

Или, допустим, так.

Долговязый мужчина засовывает тяжелый предмет в глубокий карман куртки и выходит из квартиры. Цепочка словно бы из любопытства летит вслед уходящему, но тот так резко захлопывает за собой дверь, что цепочка не успевает вернуться в квартиру – застревает между дверными створками и тем самым мешает замку защелкнуться. Застрявшая цепочка смягчает удар, и стук хлопающей двери получается не таким уж сильным. Соседей, во всяком случае, не настораживает.

Дверь так и остается чуть-чуть приоткрытой.

Оказавшись на лестничной площадке, неизвестный вызывает лифт, и, не дожидаясь, пока тот спустится откуда-то с очень высокого этажа, не спеша спускается вниз по лестнице.

И еще один вариант.

Леонид сует в карман все еще горячий от только что произведенного выстрела наган и делает шаг из прихожей на лестничную площадку, оставив дверь квартиры открытой. Он и сам, как и орудие преступления, разгорячен, глаза сверкают. Он готов дать отпор любому, кто попытается остановить его. Он даже не будет удивлен, удивив толпу врагов, ожидающих его на лестничной площадке возле открытой двери.

Однако – никого.

Казалось бы, чем эти три отрывка отличаются друг от друга? А ведь отличаются! И каждый хорош по-своему. Но для книги нужно выбрать лишь один...

Теперь дальше.

Во дворе, как цирковая, прыгает на задних лапках серая собачка. Передние лапки она сложила вместе и двигает ими, точно горячо кого-то о чем-то умоляя. При этом острая мордочка обращена вверх, к чахлым городским кронам.

Серая собачка. Это маленький пудель, в переводе с английского – пудель-игрушка. Он худенький и хрупкий. Видно, что хозяйка старается хорошо ухаживать за ним. Шерстка у него чистая, на взгляд нежная и мягкая, как пушок. Но что-то в нем не то. Может быть, розовые потеки из глаз, что может свидетельствовать о неправильной еде – слишком много сладкого хозяйка дает своему любимцу. Да и с возрастом не все ясно. Или годовалый щенок, или пятнадцатилетний старикашка.

Незнакомец останавливается и, будто бы заинтересовавшись, задирает голову и видит, как на корявой ветке шумно пристраиваются две большие вороны. Его, собственно говоря, вороны несколько не интересуют, хотя он и понимает: вороны собрались посплетничать. Все идет слишком гладко. А ведь он все еще находится в опасной зоне. Вдруг кто-то наблюдает за ним, проследил его путь по двору от подъезда! Задерживаться нельзя. Нужно поскорее покинуть опасную зону.

Но тут раздается слабый голосок:

– Он хочет к ним.

А может быть, никакого голоска и не было? Но нет, голосок был, и принадлежит он маленькой старушонке в светлом платочке, завязанным под подбородком. Она совсем старенькая, но при этом в легком девичьем платье почти до самых щиколоток.

Странное создание!

Однако, взглядевшись, он сообразил, что все не так просто: старушонка-то вовсе не такая уж и старушонка, а пожилая женщина – лицо гладкое, без морщин, большие и выразительные серые глаза, тонкие губы, чуть тронутые ироничной улыбкой.

И не такая уж она и пожилая!

Улыбка настораживала. Как будто бы она все знала про него. А женщина продолжала:

– Он думает, что он птица.

Слова ее казались полной бессмыслицей. Они вызвали раздражение. Теперь уже более естественным было бы сделать вид, что он уже в полной мере наслаждался прелестной сценкой, и ему уже ничего более не остается, как ласково кивнуть и деловито удалиться. Что же касается

обращенных к нему слов, то вполне естественно было бы сделать вид, что он их не услышал – столь слабы и невняты они были.

Однако он знал, что она знает, что он ее услышал. И он переспросил:

– Кто думает, что он птица?

– Фунтик.

– Фунтик?

– Его так зовут.

Иронический «окрас» улыбки мог говорить о том, что хозяйка Фунтика усомнилась в случайном собеседнике, то есть усмотрела в его облике или в поведении нечто искусственное, сделанное, в то время как в действительности и внешность, и поведение должны были излучать полную естественность. Если он побежит, значит, хозяйка Фунтика права в своих подозрениях по отношению к незнакомцу. Он не побежал. Напротив, расслабился, словно бы стряхнул с себя напряжение.

– И он думает, что он птица?

Подозрение улетучились. Он не спешил, ему действительно хотелось узнать у хозяйки...

Первоначальный замысел претерпевал серьезные изменения. И все же они (изменения) не были радикальными, и его не оставляло ощущение ненужности этой работы, ее серости и унылости.

А писать хотелось. Жизненные наблюдения, впечатления, живые воспоминания требовали выхода. Так что же делать? И его вдруг осенило: чтобы все поправить, достаточно будет в бульон жизненных наблюдений поместить проволочный завиток сюжета. И сразу все получится, и будет, как у настоящих писателей. А что для этого требуется? Требуется, чтобы там излагалась какая-то история с началом, серединой и концом.

И проволочка обнаружилась.

Вот ведь как оказывается просто!

Дипломированный физик и математик, он специализировался на компиляции биографий великих ученых. Мир науки – это его мир. В нем он прекрасно ориентировался, находился в курсе новейших исследований и гипотез в самых разных областях знаний.

И вдруг внезапно что-то с ним происходило, он переставал быть доктором наук, профессором и превращался в увлеченного мальчишку, вообразившего себя писателем, сочиняющим роман. Он бросал работу над очередной исторической статьей и с головой погружался в пучину художественного литературного творчества.

Размышляя над природой такого своего поведения, он пришел к выводу, что, оказывается, желание сочинять живет в нем с самого раннего детства. Это похоже на болезнь. Внутри притаился некий вирус, который до поры до времени никак себя не проявляет и который вдруг оживает, когда с организмом что-то случается – стресс, или простуда, или еще что-нибудь подобное.

Голова полна постоянными, необъяснимыми перемещениями лиц, пейзажей, вида городских улиц, морских далей, веселых застолий и прочее, и прочее. Хаос воспоминаний. Он мог внезапно проснуться среди ночи и броситься к первому же подвернувшемуся под руку клочку бумаги, чтобы увековечить разбудившую его мысль. Днем же он оставлял свои соображения в небольшом блокнотике, точнее, в сердцевине блокнотика в виде маленькой книжечки, вытасченной из твердой обложки...

Он очень дорожил некоторыми мыслями, таким способом пойманными и заточенными в бумажные клетки (странички блокнотика не чисто белые, а в арифметическую клетку). И частенько их (мысли) вспоминал, порой даже не заглядывая в записи, передумывал, стараясь каким-то образом приспособить их к очередному замыслу. И даже если их не удавалось

никуда пристроить, сам факт того, что они есть и увековечены, вызывал у него радостное чувство удовлетворения.

Ночью, повторим, в дело шла любая подвернувшаяся под руку бумажка. Например, оборотная сторона пожелтевшей квитанции на оплату коммунальных услуг, или, скажем, бумажная столовая салфетка. Или еще что-нибудь подобное. Иногда же очередные ночные соображения занимали целиком весь лист пищевой бумаги размером А 4.

Вот, например, такое.

Кавычки открываются.

Мы живем в атмосфере легенд и мифов. Что-то внутри нас заставляет верить в эти легенды и мифы, как в реальность. И нам уже кажется, что это не легенды и мифы, занесенные странными ветрами в наши бедные головы, а именно реальность...

Здесь бы я остановился и сделал бы одно уточнение, произвел некоторую редакцию сказанного. Местоимение «мы» заменяется местоимением «я». Не «мы живем в атмосфере и т.д.», а «я живу...»

Так будет вернее.

Зачем укрываться в толпе, словно бы призывая ее разделить с тобой твоё же собственное убеждение и, следовательно, и ответственность за это убеждение, позволить тебе раствориться в ней, в толпе, а по существу дематериализоваться? Ведь «мы», как ни крути, и есть это толпа.

Помните князя Ипполита из «Войны и мира» Льва Толстого? На светском рауте он попытался рассказать анекдотическую историю из жизни одной сиятельной особы, которая на запятки своей кареты поместила могучих девиц-гренадеров, и чтобы никто не догадался, что это не мужчина, надела на них лакейские ливреи и парики. Все шло прекрасно, но тут лошади рванули, карета дернулась, парики слетели...

Князь Ипполит, давась от смеха, проговорил:

– И тут весь свет узнал!

И замолк, глядя на собеседников в ожидании, что те как-то сами все уладят с окончанием рассказа.

Вот и со мной та же история. Но в отличие от известного литературного балбеса князя Ипполита, рассчитывающего на соучастие своих собеседников – они, мол, все устроят, я больше возлагаю надежды на высшие силы. Они, высшие силы, помогут мне удачно использовать жизненные впечатления и беглые наблюдения, выхваченные из окружающей действительности.

Стоит лишь взять в руки что-то пишущее, ну, например, карандаш или авторучку, и вот уже кусок жизни стремительно прилетает из далекого прошлого и замирает в ожидании. Очередной эпизод собственной жизни во всей ее полноте – со звуками и запахами, ощущениями тепла и холода, игрой света овладевает моим вниманием...

Кавычки закрываются.

Выбор прототипа – дело таинственное. На уровне подсознания.

Прототипом одного из героев очередной придуманной им истории Владимир Семенович решил взять Алика, своего школьного друга и одноклассника. Именно это и разбудило его воспоминания.

Он с детства очень серьезно относился к таким понятиям, как знакомый, приятель, друг. Знакомых и приятелей бывает много, особенно в начале жизни, а вот друзей, друга... Его главным и единственным другом в школьные годы был Алик. Они поступили в один год в одну школу и так с тех пор вместе и проучились все десять лет до получения аттестата зрелости.

Как-то, во время прогулки вокруг Кремля, мальчики, не сговариваясь, остановились возле Мавзолея Ленина.

Обычно они проходили мимо, с душевным трепетом поглядывая, словно подглядывая, на застывших часовых у входа в это таинственное сооружение.

Они уже были старшеклассниками, и темы их бесед во время подобных прогулок были довольно серьезные. В том возрасте, когда в высоких детских голосах нет-нет, да промелькнет вдруг неожиданно басовитая хрипотца, в голову приходят серьезные мысли о твоей стране, о Родине, и о том, что ты являешься ее защитником и опорой.

И это не пустые слова!

В частности, они задумывались на такую важную тему, как безопасность Советского Союза, окруженного врагами и поэтому вынужденного защищаться. Конечно же, подобные размышления приобретали особый вес именно здесь, в самом центре страны, на Красной Площади, под стенами Кремля, рядом со Спасской башней и Мавзолеем.

Глядя на застывших, точно неживых, часовых у входа, Алик вдруг воскликнул:

– Наверное, когда-нибудь часовых здесь не будет.

– Как это не будет? – Соображение друга показалось Владимиру Семеновичу настолько нелепым, что он взорвался:

– А враги!

– Никаких врагов не будет.

– Как это не будет?

– Будет мир во всем мире. Никто ни с кем не будет воевать. И, следовательно, оружия никакого не будет, – уверенно продолжал Алик. – Подумай, зачем часовым нужно будет здесь стоять без ружей?

Надо сказать, на первых порах Владимир Семенович рассердился на Алика, словно тот одними своими словами в одно мгновение обезоружил всю страну, оставив ее один на один со всеми враждебными силами мира. Он взглянул на Алика, и тут же весь его гнев куда-то испарился: лицо школьного друга светилось радостью и спокойствием, словно и действительно мир стал совсем другим, таким, как в его мечтах.

Школьные друзья рассмеялись и отправились по домам.

Разговор с Аликом заставил Владимира Семеновича задуматься. Он никак не мог согласиться с тем фактом, что у входа в Мавзолей Ленина не будут стоять часовые, что каждый час не будет происходить смена караула...

Что же получается? Любой прохожий может просто так, когда ему только заблагорассудится, зайти вовнутрь этого таинственного, святого помещения, и никто его не остановит. А если это будет какой-нибудь хулиган, преступник? Нет, тут Алик глупость сморозил!

А ведь что оказалось? Они с Аликом совсем по-разному смотрят на мир!

Проходит несколько лет. Алик куда-то исчезает.

Исчезновение Алика, как и всякое исчезновение, растянуто во времени. Как, например, определить, когда именно твой друг исчез? Ты не видишь его день, две дня, неделю. И это вовсе не свидетельствует об его исчезновении – просто напросто его жизнь и твоя жизнь, не соприкасаясь, идут параллельными курсами. Известно, лишь только у одного из вас возникает потребность в общении, вы созваниваетесь или без телефонного звонка находите друг друга и общение возобновляется.

Конечно же, после окончания школы, выпускных экзаменов и тожественного получения аттестата зрелости у Владимира Семеновича и мысли такой не могла возникнуть – об исчезновении Алика. Тем более, ребята виделись несколько раз мельком, случайно столкнувшись на улице. Им вроде бы толком и поговорить-то не удалось. Однако и двух-трех реплик хватило, чтобы понять, что к чему.

– Как дела?

– Да вот в университет поступаю. А ты?

– Я? – И Алик вдруг развел руки в стороны, точно взлететь собрался, и прокричал:

Я знаю, город будет!
Я знаю, саду цвествь,
Когда такие люди
В стране советской есть!

Эти стихи Маяковского Алик читал со сцены в школьном актовом зале на выпускном вечере.

– Что это значил? – спросил Владимир Семенович, и пошутил: – В актеры решил податься?

– Правильно мыслишь! Именно в актеры!

Конечно, события, о которых он размышляет, происходили довольно давно, и сейчас возникают в памяти не в хронологической последовательности, а совершенно в произвольном порядке. И уже невозможно вспомнить, как далеко во времени располагались одно от другого – исчезновение Алика и его появление. То ли день промелькнул, то ли целая вечность пролегла.

Впрочем, бесследного исчезновения не получилось. Владимир Семенович все-таки имел представление – хотя и смутное, в общих чертах – о том, как складывалась жизнь его школьного друга. А складывалась она очень интересно, весело. Он безуспешно пытался поступить в театральное училище, уехал в Тулу, или в какой-то другой подобный провинциальный город, и там устроился в театр – не то рабочим сцены, не то еще кем-то.

И вдруг снова появился в Москве, в старом переулке Замоскворечья возле подворотни, ведущей во двор к подъезду дома Владимира Семеновича. А уже поздняя осень, сумрачно и сыро. В лиловато-буром сумраке Владимир Семенович различил знакомый силуэт взрослого мальчика в шерстяном свитере толстой вязки на несколько размеров больше, чем следует. Из широкого ворота торчала обросшая светлыми волосами голова школьного друга, напоминающая какое-то дикое растение, может быть неимоверно разросшийся чертополох.

Ну, вот! Никуда он не делся, школьный друг Алик, он здесь, рядом, и пришел пообщаться.

Крупный ледяной дождь как-то наискосок летел, ветер буквально резал щеки, а Алику нипочем. Даже не поежится! Владимир Семенович только что вышел из дома и направлялся на встречу с новыми приятелями.

– Чего остановился? Раз уж пришел – пошли ко мне!

– Да нет, Вовочка! – Алик зовет его «Вовочка», как и отец. – Я не к тебе шел, а тут, поблизости!

Он объяснил, что идет к Юре, с которым они задумали выпускать рукописный журнал. В нем будут публиковаться стихи и короткие рассказы, а также заметки и статьи. Для Владимира Семеновича все сказанное Аликом – неизвестно, ново. Что за Юра такой? Что за рукописный журнал?

– О чем же статьи? – поинтересовался он.

– О чем? Да вот хотя бы...

Алик еще более оживился, стало ясно, что теперь разговор со школьным другом его действительно заинтересовал.

– Помнишь спор возле Мавзолея?

– Как же...

Конечно, Владимир Семенович прекрасно помнил тот далекий спор – нужны ли будут или не нужны часовые у дверей, ведущих в усыпальницу Ленина, когда Советский Союз перестанут окружать враги. Вот только он не помнил, кто из них какую позицию отстаивал.

– Я написал статью, что никаких часовых не нужно будет! И вообще, институт охранников – дело подозрительное. Хочешь почитать?

Владимир Семенович не успел ответить (а его, честно говоря, совсем не интересовала статья Алика, как, впрочем, и его рукописный журнал – так, детские игрушки!). Алик все понял, махнул рукой, словно бы прогоняя собственный вопрос, и воскликнул:

– Ладно, Вовочка! Все это тебе не интересно!

После той нечаянной встречи, когда Алик, как оказалось, вовсе и не собирался к Владимиру Семеновичу в гости, а просто шел мимо его дома, друзья еще несколько раз виделись, но было ясно, что живут они разными интересами. Теплые чувства друг к другу сохранились, но от душевной близости не осталось и следа.

Жизнь Владимира Семеновича была, что называется, устроена. Складывалась она довольно удачно. От занятий в институте он получал удовольствие, да и ребята в группе оказались интересными, думающими. Что же касается, так сказать, непростых отношений с собственным отцом, то глубоко они Владимира Семеновича не задевали – он не сердился на отца, потому что уже давно понял: у того не было достаточно душевных сил, чтобы сохранять спокойствие в трудных обстоятельствах его собственной жизни.

А вот жизнь Алика после окончания школы казалась Владимиру Семеновичу какой-то несерьезной, по-ребячески легковесной. Встряхнуть бы его, усадить за учебники, заставить поступить в какой-нибудь институт. Хоть в театральный! Голова-то светлая.

Как-то Владимиру Семеновичу позвонил незнакомец и попросил о встрече. Впечатление от телефонного разговора осталось какое-то странное. С одной стороны, в голосе незнакомца слышалась этакая ленца, свидетельствующая об отсутствии к Владимиру Семеновичу какого-то интереса, и беседу он ведет просто от нечего делать. Но при этом, словно бы противореча самому себе, позвонивший заявил, что ему необходимо поговорить с Владимиром Семеновичем с глазу на глаз, и, если тот не возражает, они, не откладывая дело в долгий ящик, будут ждать Владимира Семеновича завтра часов в одиннадцать-двенадцать возле института.

Владимир Семенович опешил. Что значит – они? Незнакомец не один, с ним еще кто-то будет?

А голос в трубке настойчиво продолжал:

– Вы согласны? – И многозначительно добавил: – Нам это очень важно.

Встреча состоялась на другой день в сквере возле факультета.

«Ими» оказались два сравнительно молодых человека, немного постарше Владимира Семеновича, настолько невзрачные, что, расставшись, тот уже не мог вспомнить – ни во что они были одеты, никакого они роста. Единственное, что буквально врезалось в память, – темные, почти черные тени вокруг глаз, которые делали этих двух незнакомцев чуть ли не близнецами. В дальнейшем, встречая людей с такими тенями вокруг глаз, Владимир Семенович относил их к сотрудникам тайной полиции, то есть к стукачам – кагебешникам. Ведь именно такими и оказались – незнакомец, вызвавший на встречу Владимира Семеновича, и его молчаливый коллега.

Разговор получился каким-то мутным. Незнакомец принялся расхваливать математические способности Владимира Семеновича, и на вопрос, откуда у него такие сведения, ответил, что ему рассказал студент с одного с Владимиром Семеновичем учебного потока. Подобное утверждение не могло не насторожить – ведь на математическом факультете никаких таких учебных потоков не наблюдалось.

– Это кто же такой? – поинтересовался Владимир Семенович, но вместо ответа последовало:

– Да вы и рисуете, и стихи пописываете...

– А об этом – откуда вы знаете?

Незнакомцы многозначительно переглянулись.

– Знаем от друга вашего, от Алика, – и весело добавил: – От кого же еще?

– А его-то вы откуда знаете?

Вопрос сам собой выскочил из уст, хотя Владимир Семенович уже прекрасно понял, с кем имеет дело и что вопросов лучше не задавать и вообще по возможности помалкивать. Незнакомцы привычно переглянулись и уставились на Владимира Семеновича двумя парами своих темных глянцево-черных глаз, окруженных черными кругами, точно ваксой намазанными.

Все подробности давней встречи стерлись из памяти, осталось ощущение опасности, исходящей от этой пары незнакомцев, от слившихся в один взгляд двух пар одинаковых глаз, несущих в себе угрозу и вызывающих неприятный тошнотворный страх. Владимир Семенович, испытав это унижительное чувство, рассердился, можно даже сказать, пришел в ярость, но заставил себя сдержаться, и тихо спросил:

– И откуда же вы все так хорошо знаете, интересно?

– Да мы его слушаем. Мы знаем все, о чем он говорит – и по телефону, и просто так, в квартире.

– Хорошенькая работа, – вставил свою реплику Владимир Семенович, но ее оставили без внимания, и продолжали:

– Мы вообще-то люди серьезные, и не шутить пришли.

В словах звучала угроза, но Владимир Семенович сделал вид, что не заметил ее.

– А я – то зачем вам нужен, не пойму?

– Не кипятись, – проговорил спокойным безразличным тоном до сих пор молчавший второй незнакомец. – Скажи-ка ты своему другу-приятелю, чтобы поменьше трепался, и вообще вел себя потише. – И добавил: – Пусть с тебя пример берет.

Вечером этого же дня Владимир Семенович без звонка пришел домой к Алику, чтобы рассказать о странной встрече и, главное, предупредить, что за ним следят и знают обо всех его телефонных разговорах. В глубине души он надеялся, что не застанет Алика дома, и можно будет ничего не рассказывать, а дальше, все это забудется, как дурной сон. Но нет – школьный друг оказался дома. Он открыл дверь и, увидев Владимира Семеновича, радостно вскинул руки и громко, на всю лестничную клетку, крикнул:

– А, это ты, Вовочка! Заходи, гостем будешь!

– Постой, Алик... – Владимир Семенович отступил на шаг и замер, прислушиваясь. – Мне надо тебе сказать что-то очень важное.

– В комнате поговорим.

– Да нет, лучше здесь...

И, понизив голос, он принялся подробно пересказывать свою беседу с опасными незнакомцами.

Он увлекся рассказом, старался покрасочнее описать внешность этих малоприятных личностей, и тревога, которая не отпускала его в течение всего дня, полностью исчезла. Тем более что Алик ничуть не встревожился и слушал его с веселым интересом. Могло показаться, что он радостно приплясывает и прихлопывает в ладоши.

С улыбкой закончив рассказ, Владимир Семенович серьезно добавил:

– Будь поосторожней!

На что Алик воскликнул:

– Да пусть они идут в жопу со всеми своими прослушками!

И дальше разразился страстной речью о том, что он свободный человек, думает, как хочет, и вовсе не обязан никому отчитываться. А если эти идиоты взяли себе в голову, что могут ему приказывать, то они вдвойне идиоты.

– У них сила! – вырвалось у Владимира Семеновича, и это восклицание для него самого было неожиданным. Оказывается, в его подсознании мир был разделен на две части – на «них» и на всех остальных, в число которых входили и они с Аликом, а также множество других, знакомых и незнакомых людей...

Но лучше об этом не думать!

Алик пропустил восклицание друга мимо ушей.

– И вообще, Вовочка, – проговорил он довольно спокойно, – они меня слышат только лишь потому, что я хочу, чтобы они меня слышали. – И вдруг громко, на весь подъезд крикнул: – Пусть знают! У меня нет секретов!

В голове мелькнуло воспоминание об Алике, и тут же решение было принято – это он! Речь шла об одном из действующих лиц задуманного романа, о злодее, который в конце должен совершить убийство. Этот персонаж существовал пока что только лишь теоретически, и ему необходимо было придать какую-то форму, поместить в человеческое тело.

Персонаж был довольно-таки страшноватый, что и понятно – убийца!

Почему же все-таки именно Алик? Решение было принято спонтанно. Владимир Семенович и сам был в полном недоумении. При всем старании разумного объяснения этому не находилось.

Пришлось подводить теоретическую базу. Как и всякому пишущему человеку (или считающему себя таковым), ему хорошо была известна истина: образ злодея получается объемным, выпуклым, а не плоским, как лист бумаги, если внутренний мир персонажа – мерзавца – будет спорить с его внешностью – человека милого и душевного.

С внешним обликом у друга школьных лет все обстояло отлично, но вот внутренний мир никак не отвечал сути задуманного персонажа: отпетого уголовника, каким Алик никак не мог оказаться!

Да, глупая затея! Вот, если бы требовалось описать какого-нибудь безумного смельчака, – тут бы Алик, безусловно, оказался на своем месте. И придумывать ничего не потребуется. Жизнь сама все придумала. Остается лишь хорошенько все вспомнить, обдумать и вписать в общий пейзаж.

И все же мысль о связи реального человека, школьного друга Алика с вымышленным персонажем, убийцей, не оставляла в покое Владимира Семеновича, наводила его на размышления. Ведь ему еще неизвестно, что заставило злодея пойти на преступление. Было ли убийство случайным, так сказать, веянием времени, или же существовала какая-то глубинная причина?

Это обязательно нужно продумать до самого конца, прояснить все малейшие детали. Наверняка именно в темных неизведанных закоулках и хранится тайна замысла. Но Владимир Семенович не стал углубляться. Время не пришло.

Так братъ Алика в прототипы или не братъ? Вопрос, как говорится, остается открытым...

Яркие и интересные картины, вызванные в памяти непредсказуемыми, неожиданными погружениями в прошлое, достойны были стать частями какого-то нового романа, но никак не годились для его теперешнего, последнего, замысла. Владимир Семенович терялся, можно даже сказать, впадал в панику и в очередной раз отказывался от замысла, который в тот момент обдумывал.

Однако сейчас – совсем другое дело. Уже слишком много придумано, чтобы отступить. И еще больше предстоит придумать...

Душу переполняло желание сочинять, быть писателем не прикладным, а, так сказать, Писателем с большой буквы, выразителем чаяний и глубинных мыслей людей. Все равно, что быть академиком не какого-то конкретного направления научной отрасли, а вообще Академиком – с большой буквы.

А жизнь продолжала подбрасывать картинки, которые сами по себе являлись эпизодами, элементами головоломки, кусочками какого-то уже существующего в природе романа. Вот, например, клочок разговора молодой и красивой толстухи со своим сынишкой школьником, подслушанного на улице родного города. Как будто бы специально в этот момент выглянуло из-

за чёрных туч осеннее солнышко, и сумрачный дождливый день превратился в яркий и радостный. И мокрая трава на газоне снова стала по-летнему сочной.

О чем речь – неизвестно.

Мама спрашивает:

– Что же там происходило?

Мальчик молчит, потупившись. Мать наседает:

– Ну?

Мальчик тихонько произносит:

– Я... – не – успел...

– Да?

Мама словно бы ожидала именно этих слов от сына, потому что ответ у нее готов. Она говорит торопливо, как бы боясь, что ее опередят:

– Кто не успел – тот сверчок.

Постоянно накапливающиеся все новые и новые жизненные наблюдения, вопреки ожиданиям, не только не встраивались в замысел, а, наоборот, активно мешали, подтачивали придуманную, было, конструкцию и даже порой обрушивали ее.

Немедленно принималось твердое решение навсегда забыть о романе, выбросить из головы. И после этого твердого и на сей раз окончательного решения, несостоявшийся сочинитель испытывал радость и необычайную легкость. Файл с художественным текстом – в компьютерную эпоху – закрывался и открывался предыдущий, начатый и брошенный, с произведением более покладистым, очередной статьёй, посвященной жизни и деятельности кого-то из гениев науки прошлого.

И оба состояния души были ему одинаково дороги.

Анализируя изменения, которые в связи с этим происходили в его мировосприятии, Владимир Семенович определял их формулой: «Созерцатель превратился в потребителя». То есть, когда он был поглощен художественным творчеством, он был созерцателем окружающей действительности, полной образов, звуков, настроений. Можно сказать, это была жизнь во сне. Но вот пелена с глаз спадала, и он оказывался в реальной действительности, где нужно было отворачиваться от порывов ветра, засыпающих глаза уличной пылью, или подставлять лицо под жаркие лучи весеннего солнца, или выписывать из энциклопедий даты научных открытий.... Иначе говоря, становиться потребителем.

Хорошо быть потребителем! Теперь уже ничто не мешало наслаждаться жизнью. В душе воцарялось приятное спокойствие, и хотелось, чтобы так продолжалось всегда. Но вот стихия творчества снова захватывала, и случалось это внезапно и по непонятной причине.

Вот пример.

В прекрасном состоянии духа он возвращался домой с рынка, куда его послала жена за морковкой для супа, которую сама же забыла купить полчаса назад. День был великолепный. Это сказано безо всякой издевки, хотя вполне можно так подумать: ветрено, по небу, задевая московские крыши, несутся серые, набухшие дождем тучи, осенний холод достает до самого тела, легко проникая сквозь щели во все еще летней одежде. Чего уж тут великолепного?

Но Владимир Семенович находился в счастливом состоянии потребителя, когда чувствуешь во всей полноте вкус к жизни – к аппетитным запахам еды, струям дождя, текущим по разгоряченному прогулкой лбу, веселым перепалкам на научных сборищах, да мало ли еще к чему!

Народу почти никого не было на улице – на сыром ветру особенно не погуляешь. А те немногие, что попадались навстречу, видно было, хотели поскорее добраться до дому. Неожиданно его вниманием завладела пожилая женщина, которая медленно продвигалась в сторону рынка через запущенный двор между некогда помпезными сталинскими домами. В глубоком возрасте, в опрятной одежде. Впрочем, нет оснований обращать внимание на характер ее

одежды. Не это главное. Легкий платок легко покрывал ее седую голову. Бледное сквозь почти исчезнувший летний загар лицо. И глаза. Их взгляд поражал в самое сердце. Большие, серые, они словно бы наблюдают из прошлого.

И вдруг пронзила мысль:

«А ведь через эти глаза само прошлое словно бы выглядывает и всматривается в наше настоящее»...

Незнакомка представляла собой удивительное соединение прошлого и настоящего. То есть она в настоящий момент пребывала здесь, с ней можно было поздороваться и заговорить и, одновременно она жила там, в безвозвратном прошлом. Причем сама она, возможно, и не осознавала этого...

Как же такое ощущение объяснить словами?

Мгновение, и вот уже он превратился из потребителя в созерцателя. Немедленно записать! Определение увиденного и почувствованного уже сформировалось в голове: «глаза из прошлого», даже точнее – «глаза прошлого»...

Дом рядом, в нескольких минутах ходьбы. Четкая формула – «глаза из прошлого» или «глаза прошлого» – словно бы проникла в голову, точно в пустой шар, и бьется внутри этого шара в такт ускорившихся шагов, почти бега.

О судьбе счастливой находки – «глаз из прошлого» или «глаз прошлого» можно не беспокоиться. Через несколько минут они будут нанесены на бумагу, увековечены. Точнее, введены в компьютер. А сейчас следует подумать о самой женщине, об ее облике, погадать о ее судьбе, попробовать понять, почему с ней не вяжется слово старуха.

Мысли о встреченной женщине, через которую вдруг взглянуло на него Прошлое, были живыми, теплокровными. И образ ее был живой и теплокровный. И появилась она словно бы специально для того, чтобы вдохнуть жизнь в мир оставленного им романа, мгновение назад еще казавшийся каким-то надуманным, серым и плоским.

Голова наполнялась картинами будущей книги, знакомыми и незнакомыми персонажами, звучала музыка, облака летели. Отказ от такого ясного, такого убедительного замысла теперь уже представлялся странным, даже противоестественным. Книжка-то, хоть и не написана, а уже существует где-то рядом, только лишь оглянись и – увидишь!

Не хотелось думать о решении какой-то конкретной задачи. Хотелось наслаждаться общими мыслями о витающей в воздухе книге с ее настроениями – весельем, и грустью, и теплыми ветрами, и синими морями, и высокими горами. И при этом жизнь персонажей течет вместе со временем, переходит из эпохи в эпоху, и каждый раз человек останавливается, оглядывается прожитое, оценивает его, глубоко вздыхает и с улыбкой грусти и понимания движется дальше.

Просто сказка!

И тут в очередной раз возникала неразрешимая задача – выбрать из бесчисленного множества фактов и событий тот единственно необходимый эпизод, без которого повествование или уйдет в сторону или вообще забуксует и остановится. А эпизод этот вдруг представлялся таким смертельно скучным, никчемным, что требовалось огромное напряжение душевных сил, чтобы вопреки внутреннему протесту приступить к его обдумыванию.

Поэтому работа над произведением так затягивалась.

Несколько слов об этой работе.

В свое время, берясь за перо, на вопрос, что он имеет в виду, Владимир Семенович охотно отвечал самому себе: «Так, коротенькие зарисовки, смешные диалоги, заметки о настроении, случаи из чужой жизни, которые чем-то заделали, заинтересовали, и которые захотелось примерить на себя». Ему и в голову не могло прийти, что, в конце концов, это перерастет в сочинение романа.

Кстати сказать, в первое время он действительно брался именно за перо. Это было школьное перо «86», такое же, каким и его собственный отец (по редким воспоминаниям о детстве) писал в свое время, еще до революции, будучи учеником реального училища в одном из провинциальных городов России.

Коричневое длинненькое перышко с продолговатыми щечками и с круглой дырочкой посредине.

Потом перешел на авторучку. В нее требовалось регулярно закачивать из пузырька чернила, и каждый раз тщательно протирать ее специальной тряпочкой, чтобы при письме пальцы не испачкаться. И все равно средний палец всегда оказывался чуть-чуть замазанным чернилами. Вскоре широкое распространение получили шариковые ручки. Они мужественно пробились через строжайшие запреты школьных учителей, которые почему-то увидели в них опасность для сохранения у школьников высокой нравственности. Хорошо было, удобно, легко писалось, и перо макать в чернильницу не нужно. Владимир Семенович, однако, остался верен перьевой авторучке. И даже простил ее, когда много лет спустя она предательски протекла во время полета во внутреннем кармане, и синее чернильное пятно проступило на груди пиджака, безнадежно его испортив.

Пиджак был новый, купленный на золотые сертификаты в магазине «Березка» на Котельнической набережной. В течение нескольких лет Владимир Семенович не оставлял попыток вывести это ужасно стойкое чернильное пятно, и в конце концов добился более или менее положительного результата...

Наблюдения и беглые мысли заносилось на бумагу, на случайные клочки, или в блокнотик, и тем самым получали вечную жизнь. Ведь «что написано пером, того не вырубишь топором».

В какой-то счастливый момент, перечитывая записи, Владимир Семенович вдруг понял, что все они складываются в одну общую картину с общим настроением и даже с общей мелодией, составленной из шума ветра, птичьего щебета, звуков человеческого разговора, смеха и восклицаний. И за всем за этим угадывались какие-то события, не вполне отчетливые, но захватывающе интересные.

Дело за малым – написать.

Самое главное, чтобы происходящее сразу же читателя зацепило. Прочтя, скажем, о том, что проникший в квартиру некий субъект выстрелил в хозяина и, никем не замеченный, скрылся, читатель бы продолжал читать, надеясь найти в дальнейшем тексте объяснение этому происшествию. Кто такой этот субъект? Зачем проник в чужую квартиру? Зачем стрелял? Что унес из квартиры и унес ли вообще что-нибудь?

Автор знает, что будет дальше – встреча со странной женщиной (хозяйкой Фунтика), серая собачка, вороны. Знай себе пиши. Но вдруг картина, до того живо разворачивавшаяся перед его мысленным взором, обрывается.

Он сидит перед светящимся матовым экраном компьютера, заполненного ровными рядами буковок, и задает сам себе вопрос, не имеющий ответа. Почему в голову ему пришло написать именно про убийство?

Замысел странный, можно даже сказать, не совсем естественный для ученого-интеллекта. Впрочем, постойте! Отчего же он такой уж «не совсем естественный»? Порой нам, ученым-интеллектуалам, такое голову лезет, о чем иной простой человек и помыслить не смеет!

Тем не менее – трудно найти ответ. Единственное, что Владимир Семенович знает точно, так это то, что несколько лет назад его словно бы осенило: убийца притаился где-то совсем рядом, может быть за ближайшим углом. Необходимо обнаружить его, дать ему конкретное тело и попытаться облечь в слова намерение, скрывающееся в мрачном угрюмом хаосе, наполняющем душу.

Итак, замысел романа возник несколько лет назад. Сравнительно недавно – верно? А такое впечатление, что целый век прошел. Москва тогда представляла жуткую картину. Опасный город. Все что угодно могло случиться. И хотя в историческом центре уже были отремонтированы кое-какие старинные особняки, похожие в яркой ночной подсветке на рельефные пряники, весь остальной город был темный, замусоренный, обветшавший. И многочисленные кучки бездомных ютились во дворах возле только что появившихся новеньких мусорных контейнеров...

Они и по сей день там ютятся.

Владимир Семенович записывал свои ощущения:

«Какое-то неблагополучие присутствует, прямо-таки висит в воздухе, и вынуждает тебя быть не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником. Словно бы и твоя жизнь, такая незыблемая в своем кажущемся благополучии, в действительности неблагополучна, и ты вовсе не случайно оказываешься в эпицентр всеобщего неблагополучия и волей-неволей вынужден как-то на это реагировать.

Метро. В толчее рядом с собой я обратил внимание на болезненного вида пожилого человека, который вдруг как-то странно повел глазами и начал медленно оседать. И упал на мраморный пол.

Жуткое дело – на твоих глазах человек падает замертво!

К счастью, он не умер, а просто с ним обморок случился.

Я его подхватил, он очень легким оказался, как пушинка, и послушным – совсем просто было поднять его на ноги и довести до ближайшей мраморной скамейки.

Он смотрел на меня добрыми виноватыми глазами. Ему было неловко.

– Ничего, ничего, – бормотал он. – Со мной это бывает.

– Вам помочь? Врача?

Я задавал ему эти вопросы, хотя понятия не имел, чем я мог помочь и откуда здесь, в толпе и спешке, найти врача. Его и в более спокойной обстановке не найти.

– Нет, нет, спасибо вам, – твердо проговорил пожилой человек. – Не беспокойтесь. Все хорошо.

И пожал мне руку.

И вот уже толпа уносит меня к эскалатору, и я вижу перед собой виноватые усталые глаза больного человека, наверное, сердечника, который вынужден был ехать в метро вместо того, чтобы спокойно сидеть себе дома.

Значит, обстоятельства таковы, что дома спокойно не посидишь...

А вот еще случай, который буквально врзался в мою память. Сидит в памяти, и никак не хочет ее покидать.

В соседнем дворе довольно большая компания бездомных устроила себе штаб-квартиру.

Точнее сказать, это не двор, а сквер возле дома, и даже не сквер, а просторный палисадник, заросший сочной, совсем деревенской луговой травой. И никаких признаков цивилизации, кроме детской песочницы с полусгнившими бортиками и покосившегося, как Пизанская башня, грибка.

Вот в этой-то песочнице и собирались бомжи.

Вообще-то о внешнем виде этой публики можно слагать поэмы. Тут и пожилые красавцы с гривами седых волос, напоминающие (тем, разумеется, кто видел) живых английских лордов, тут и складненькие дамочки с круглыми личиками в бриджах и кроссовках – стайка туристов из благополучной европейской страны и так далее, и тому подобное.

Первое впечатление – веселый праздник нарядных и беззаботных людей.

Ох, не хотел о бомжах писать, надрывать сердце!

Но уж коли начал – закончу.

Второе впечатление – это же ряженые! Так разве одеваются нормальные люди? Только для смеха, для веселья! И никто никогда так в обычной жизни не гримируется – только в цирке да на сцене: лица коричневые, как печеная картошка, глаза углем обведены, волосы – пакля.

Сердце не хочет принять ту очевидную истину, что никакой это не праздник, и что вовсе не ряженые они, и что гримом здесь и не пахнет.

К чему было это все рассказывать? А вот к чему.

Иду я как-то мимо упомянутой лужайки, стараясь не дышать, – тут как раз стоит мусорный контейнер на тротуаре, и мусор вокруг валяется, – думаю о своем, и тут вдруг что-то заставляет меня поднять голову и посмотреть на песочницу.

Немая сцена.

Во все стороны от песочницы, как брызги, разлетаются мужчины и женщины, каждая персона сама по себе, а в песочнице замер в позе дирижера симфонического оркестра тот бездомный, что напоминает английского лорда – одна рука протянута вслед одному из убегающих, другая устремлена вверх, к серым небесам.

Поскольку сцена немая, дирижер кричит беззвучно, однако все его слышат – и я, и разбегающаяся компания.

Дирижер в беде. И его натянутое, устремленное ввысь тело вовсе не застыло – оно дрожит.

Оно опасно дрожит.

И вот уже растерянная компания устремляется к нему на помощь...

Что мне сказать о себе?

Впоследствии меня как преступника тянуло туда – хотя бы краем глаза увидеть место происшествия: не лежит ли там бездыханное тело, не толпятся ли над ним его товарищи и товарки, или не отъезжает ли оттуда, тревожно сигналивая, машина скорой помощи, которая – на сей раз – успела...»

Поступив в университет, Владимир Семенович оказался словно бы в каком-то другом измерении. На свою жизнь, даже на свою судьбу он смотрел теперь по-другому. Даже как-то поймал себя на том, что и с людьми, и даже с предметами из прежней жизни он не может войти в контакт, потому что между ним и тем миром образовалось непроницаемое стекло.

Так, во всяком случае, он сам определял свое новое душевное состояние. И это состояние ему очень нравилось, потому что он чувствовал себя свободным и удачливым. И счастливым.

Хотя со стороны его жизнь выглядела несколько иначе, что вполне естественно.

Вот, например, какое впечатление о происходивших тогда в жизни Владимира Семеновича событиях сложилось у его нового товарища, с которым он вдруг как-то очень быстро и тесно сдружился еще в Москве, перед поездкой на юг и дальнейшая дружба с которым продолжилась и в дальнейшем.

Нового товарища звали Сережа. Это именно он защищал незнакомую девушку от ее ухажера – мотоциклиста, которая, кстати сказать, приехала с этим парнем на юг из Москвы на заднем сидении его мотоцикла и с ним же должна была дальше проследовать на Кавказ, но по каким-то никому, кроме непосредственных участников, неизвестным причинам сошла с дистанции.

Так вот, в глазах некоторых и, в частности, Сергея, отец у Владимира Семеновича был настоящей сволочью. Во всяком случае, по отношению к собственному сыну. Сергей именно это слово и употреблял, когда они по-приятельски обсуждали совершенно немыслимый поступок отца – обращение в милицию с требованием лишить собственного сына московской прописки.

В первый момент слова Сергея его возмутили. Лицо побелело от мгновенного гнева, и он даже готов был полезть в драку. Но тут же остыл: что Сергей мог знать о его отце, о его душевных переживаниях, и вообще о его жизни!

А ведь тот действительно твердо решил выселить собственного сына из квартиры со всеми вытекающими в полицейском государстве последствиями.

Для верности отец связался с большим милицейским чином. Но милицейский чин (отдать ему должное) посчитал это необъяснимое желание родного отца исковеркать жизнь юноши проявлением дурного характера и ответ «замотал». Трудность и даже невозможность в данном случае лишения Владимира Семёновича прописки он объяснил тем, что тот не совершал серьезных уголовно наказуемых проступков.

– А как же мой халат? – возмутился отец Владимира Семеновича. – Или это, по-вашему, мелочь?

(История с халатом последует).

Милицейский чин пыхтел, пыхтел, а потом выпалил:

– Вы правильно сказали – мелочь! – И миролюбиво добавил: – Подождем какого-нибудь более серьезного преступления...

Так что атака, казалось бы, была отбита.

Однако отец нашего героя вовсе не собирался отступать. Больше того, он пытался исключить его из института и отправить в армию. Если уж не получается отправить мальчика в колонию малолетних преступников (а такое приходило в его горячую голову), то уж от армии сынку не отвертеться. Для этого требуется, как минимум, исключение из института.

И он направился к декану с намерением поговорить по душам...

Иногда он вспоминал так сказать целенаправленно, в поисках прототипов, иногда же воспоминания сами собой возникали в голове, навеянные неизвестно чем. Конечно, поразмыслив, можно было догадаться, что именно вызвало в памяти тот или иной образ, картину, жизненную ситуацию. Без Фрейда обойтись. Но не всегда таким разбирательством хотелось этим заниматься.

Как-то в воскресный день тринадцатилетний мальчик, уже почти юноша, сидел в своей маленькой комнатенке с окном во двор за письменным столом и читал «Фауста» Гете в подлиннике. Дело происходило в большой четырех комнатной квартире, куда его младенцем привезли из родильного дома и где прошли детство и юность (и немного молодости)...

Итак, «Фауст». Книга была довольно-таки редкая, чуть ли ни прижизненное издание великого немца. Более того – она была напечатана готическим шрифтом (кому нужно – тот знает), и этот факт усугублял удовольствие, с которым юный любитель немецкой классики пробирался сквозь дебри чуждого языка. Один вид старинной книги особым образом его настраивал.

Чуждый язык. Вообще-то, это сильно сказано. Да, он, конечно же, трудный поначалу, но отнюдь не чужой, не чуждый. А когда вчитаешься, начинает даже казаться каким-то очень добрым и даже вроде бы привычным. Но лишь только отвлечешься от чтения, и тут же словно бы оказываешься на улице, за готический решеткой, в которую мгновенно превращается колючий шрифт.

Вдруг мальчик отвлекся от трудного текста. Откуда ни возьмись, в его просветленной голове прозвучала строчка: «По зимнему лесу охотник идет», а за ней – и другая: «Он песню негромко поет».

Толстые стволы дремучего европейского леса, охотник в тирольской шляпе с пером, округлые бока теплой куртки, стянутой кожаным пояском, сапожки с широкими ботфортами... – все это происходило в странном и чудесном мире готического шрифта.

Мальчик достал из ящика своего стола лист бумаги, окунул в чернильницу перо номер 86, вставленное в любимую металлическую ручку, и аккуратным вполне сформировавшимся почерком записал две придуманные фразы.

И с удовольствием повторил их громко вслух:

По зимнему лесу охотник идет.

Он песню негромко поет.

Да это же стихотворение, двестише! Он подумал о том, что хорошо эти две стихотворные строки прочитать папе. И не успел он об этом подумать, как из недр квартиры раздался зычный крик:

– Вова!

Действительность частенько дарила ему самые разнообразные подарки. Порой, таким подарком становилось какое-то впечатление, иногда мимолетное, то есть нечто нематериальное, эфемерное. Как, допустим, только что приведенные ни весть откуда взявшиеся две строчки стихотворения. Иногда же подарок действительно был вполне осязаемый, предметный. (Например, что-нибудь из одежды).

Отец всегда звал одинаково, то есть по его голосу невозможно было понять, сердился он или, напротив, доволен. Как правило – сердился. Следует признать, он бывал очень редко доволен сыном, практически никогда. Ну, что ж, все верно, отца можно оправдать: все хорошее, чем он мог бы быть доволен, должно быть в порядке вещей и не требует благодарности.

Мальчик заложил страницу, которую читал, промокашкой, погасил настольную лампу и, протиснувшись между столом и тахтой, отправился на зов. В любом случае предстоящее общение обещает быть интересным.

Впрочем, гадать особо не было надобности, все и так ясно.

Отец с сияющими глазами, раскрасневшийся от возбуждения, стоял посреди комнаты, раскинув руки, как крылья, изображая летящий самолет. Он улыбался, но пегие усы топорщились, словно бы предупреждали: «Да, я улыбаюсь, но это ничего не значит!»

– Вовочка, полюбуйся!

На отце был новый пиджак, кое-где расчерченный тонкими еле заметными линиями портновского мелка, а сам портной стоял перед отцом на коленях и булавкой закалывал полу пиджака.

– Ну, как?

– Хорошо, – ответил Владимир Семенович, но мысли его были далеко.

Нет! Разумеется, он прекрасно осознавал, где в данный момент находится. Находился он у себя дома, вечерело, шла последняя примерка нового костюма отца, который ему шил отличный портной Николай Николаевич. В квартире, кроме его самого, отца, портного и королевского пуделя Марсика никого не было. А могли быть мачеха и няня. Но мачеха находилась на лечении в Минеральных водах, а няня отправилась в гости к племяннику, сыну своей покойной сестры, который переселился в Подмоскovie и неплохо устроился на новом месте. Именно племянник надоумил няню начать хлопотать о собственной жилплощади в Москве. И няня, в конце концов, получила хорошую комнату в коммунальной квартире в районе Таганки.

Это были чудные, незабываемые минуты! Отец словно бы открылся перед собственным сыном, позвал его разделить радость, вызванную новым, сшитым на заказ, костюмом. И пиджак, который показался чересчур длинным, чуть ли ни как пальто, не имел в данном случае, никакого значения. Значение имело улыбающееся лицо отца и его обращение к сыну...

– Николай Николаевич и тебе построит костюм! – проговорил отец. – Верно, Николай Николаевич?

Николай Николаевич равнодушно кивнул: да, мол, построим, почему бы не построить?

Оказалось, что, закончив с отцом, известный портной с там же равнодушным выражением на лице стал снимать мерку и с сыночка...

...И вот прошло должное время, и на мальчике новый костюм, который сшил ему Николай Николаевич – брюки и пиджак, как у взрослых. А он еще ребенок. Ни у кого в школе или во дворе нет такого пиджака и таких брюк.

Загляденье.

Есть на пиджаке карман для платочка. И платочек оттуда выглядывает. Есть и два кармана, прикрытые специальными матерчатыми клапанами. Хочешь залезть в карман – пожалуйста, отогни клапан и залезай.

Правда, лазать в карманы незачем – класть туда ничего нельзя, чтобы не оттопыривались. Ну и не надо!

Есть два внутренних кармана, туда что-нибудь можно положить, например, записную книжку.

И записная книжка у мальчика есть. Она не очень новая, потому что это папина старая. Тот и понятия не имеет, что она была вытащена из мусорного ведра и присвоена. Как же новенькая, без единой записи записная книжка оказалась в мусорном ведре? Владимир Семенович своими глазами видел, как все происходило. Наводя порядок в своем письменном столе, отец наткнулся на нее, повертел в руках, фыркнул: «Дрянь» и швырнул на пол в кучку сброшенных со столешницы ненужных бумаг. Затем аккуратно подобрал весь этот сор с пола и отнес в кухню, где под раковиной стояло мусорное ведро.

В одну из его обязанностей, наряду с выгуливанием королевского пуделя Марсика, а также – иногда – похода в булочную за хлебом входил вынос из квартиры полного ведра во двор, в мусорный бак.

Владимир Семенович не дал новенькой записной книжке так бесславно погибнуть...

Это пример из довольно-таки далекого прошлого – костюм уже давно сделался мал, но при этом ничуть не постарел, выглядел так, точно только что сшит. Очень мальчик аккуратно его носил, что, кстати сказать, было его отличительной чертой.

Воспоминание о том странном дне, когда ему принесли специально сшитый для него костюм и он мерил его под наблюдением портного Николая Николаевича и собственного отца, Владимир Семенович трепетно хранил в душе и черпал из него уверенность, что отец действительно его любил, заботился о нем, и именно в этом состояла суть их глубоких родственных связей.

А вовсе не те глупости, которые иногда выкидывал отец по отношению к родному сыну!

Время от времени, приезжая к себе на дачу в Эстонию, Владимир Семенович сталкивался с белой собачонкой, и каждый раз та выражала по этому поводу бурную радость. Начать с того, что она всегда первая его замечала и во весь опор направлялась к нему или через футбольное поле, если встреча происходила в парке над озером, или мчалась по улице от угла к воротам дачного участка, возле которого он оказывался. Он приседал на корточки, и собачка, неистово виляя длинным толстым хвостом, который почему-то не был купирован, преданно смотрела на него...

И сейчас все случилось именно так, как всегда. Песик примчался, стал прыгать на задних лапах, стараясь достать до лица и лизнуть его. Песику это легко удавалось. Что же касается самого Владимира Семеновича, то он вдруг понял, словно бы спустившись с небес на землю: нет в их отношениях с песиком никакой мистики, и что песик вовсе не чье-то воплощение, а сам по себе, со своей особой собачьей судьбой и со своими особыми отношениями с окружающим его миром.

Тут стоит задуматься.

Даже если допустить, что песик после смерти хозяйки и остался один – а, собственно говоря, нет оснований не верить этому – ничто не говорит об его бездомности. Напротив, ухоженный внешний вид свидетельствует о том, что он ни в чем не терпит недостатка: его моют

хорошим шампунем, тщательно расчесывают пахучую шерстку и, возможно даже, регулярно стригут. Если, конечно, сие требуется, то есть если у него шерсть не отрастает. Во всяком случае, вид у него вполне, вполне благополучный.

Так что же все-таки песика притягивает? Очевидно: это самая обычная бескорыстная любовь.

А если здесь и присутствует какая-то мистика, то речь может идти о природе неких душевных взаимоотношений Человека и Собаки, или проще – людей и собак.

Из записей:

«Если бы я был гений, то и жизнь моя сложилась бы по-другому.

Как именно по-другому? Мне это неизвестно.

А уж как моя сложилась – так и сложилась. Довольно-таки интересно, по-обычному, главное – с перемещениями в пространстве. Вот это-то перемещение в пространстве меня больше всего интересовало. И сейчас интересуется.

Кто-то именно из таких, как я, придумал поговорку «Хорошо там, где нас нет»...

И лето все впереди, да и вся жизнь некоторым образом тоже впереди...»

И еще из его же записей.

«Дело было в южной Эстонии, там, где горы, леса и озера. Эстония уже отделилась от России, и чтобы приехать сюда (или уехать туда), требуется виза в заграничном паспорте. У нас с этим нет проблем, потому что недвижимость в собственности дает возможность безо всяких посредников в лице туристических агентов или писем с приглашениями обращаться в консульство за визой и получать ее.

А в собственности у нас оказалось пол дачного домика и три сотки земли при нем.

Хотя все вышеизложенное и не имеет никакого отношения к сути рассказа, (кроме упомянутой белой собачонки, куда-то там бегущей), еще несколько слов необходимо добавить. Наверняка читатель (если таковой вообще объявится) спросит: «А как же вы там уживаетесь с эстонцами? Ведь они русских ненавидят!» Спорить не буду, не знаю. Может быть, и ненавидят. А может быть, наоборот, любят. А может быть, относятся с полным равнодушием.

Боятся? Возможно. Лучше сказать – побаиваются. А чего это, интересно, эстонцы боятся-побаиваются?

Чужая душа – потемки.

– Знаешь ли, дружок, – посмеиваясь, сказала моя приятельница эстонка, когда мы однажды возвращались к нам на дачу с прогулки по лесистым и гористым окрестностям. – Того и гляди, вон оттуда (веселый взмах в сторону Востока) из густого леса покажется такой зеленый, такой страшный советский танк!

А что? Действительно страшновато... Хотя танк к тому времени уже не мог быть советским, а был бы российским.

Сами про себя эстонцы любят говорить, что для эстонца главный враг – другой эстонец. Но я лично в это не верю. Это такая же липа, как то, что Москва всегда завалена снегом по самые крыши, а по улицам бродят медведи. Конечно, бывают у нас сильнейшие бураны, так что ни зги не видно. И вовсе не исключено, что какой-нибудь медведь в это время и окажется вдруг на улице. Но тут уж надо винить нерадивого служителя зоопарка либо цирка, который не уследил за своим подопечным, позволил ему выбраться из клетки. А потом и на улицу.

Перечитав написанное, я обратил внимание на то, что злоупотребляю грамматической формой настоящего времени. Это не совсем точно, а вернее – совсем не точно. Ведь все, о чем я пишу (все эти блокнотики, клочки бумаги и прочее), осталось в прошлом. Следовательно, и употреблять следует грамматическую форму прошедшего времени. В настоящем времени – лишь процесс теперешней моей работы, да и то, если совсем уж быть точным, это утверждение легко можно опровергнуть. Верно же?

Просто не хочется быть скованным какими-то правилами, которые ты сам себе и навязываешь. Так что постараюсь расслабиться и без оглядки пользоваться глаголами и в прошедшем времени, и в настоящем, и даже в будущем.

Ну, да ладно! Это все теории.

Сказано: дело было в южной Эстонии...

Та маленькая собачонка, помните, белый кобелек, которого я поначалу принял за перевоплощенную Бертину, потом еще несколько раз появлялась (появлялся) в моей жизни.

О, нет! Такое заявление – «появлялся в жизни» – пожалуй, слишком пафосное. Проще следует выразиться...».

Многие мысли и соображения пропадали, так и не дождавшись, чтобы их увековечили. Нечто подобное произошло, например, с предисловием к очередной ненаписанной книге, сочиненное в уме на прогулке. Когда он вернулся домой, в голове сохранились лишь жалкие остатки.

«В заключение предисловия обращаю внимание читателя, ежели таковой сохранится к настоящему моменту, что рассуждения о том, что начало несет в себе, подобно полновесному зерну, всю суть произведения, остается в силе. Другое дело, что суть еще предстоит извлечь.

Уверенно заявляю: предисловие закончено, и вполне можно приступить к извлечению сути. А раз так – то и приступим.

Стойте! Чуть было не забыл! В чем же суть названия «Угощения для журавля»?

Разжевывать нет смысла, достаточно короткой наводки: известная басня о Лисе и Журавле. Лиса приглашает Журавля на угощение и размазывает кашу по тарелке. Простодушный Журавль, соблюдая приличия, кончиком клюва, как пинцетом, попытался захватить хотя бы крошечный кусочек лакомства и, закинув голову, отправить его в пищевод.

Не тут-то было!

Старайся – не старайся, а склевать вкусненькое никак не удастся!

Не так ли и с тобой поступили, добрый читатель?

Подобно хитрой лисе автор размазал свое подозрительное варево по всему пространству романа, а простодушный читатель – журавль и так, и эдак пытается собрать его. Получится ли?

Кстати сказать, в свою очередь и Журавль не дал ни малейшего шанса Лисе отведать его угощения, подав его гостю в пузатом кувшине с длинным и горлышком.

Люблю заходить в магазины. А точнее – в новые торговые центры. Их много в Москве. Там просторно, светло. Можно ничего не покупать, а просто гулять и смотреть. Идешь, легко ступая, по сверкающим мраморным полам мимо сверкающих стеклянных стен, за которыми в разных позах стоят наряженные манекены, а за ними по бесконечным торговым залам бродят покупатели, и думаешь с печалью в душе: такое бы в наше время...

А сейчас разве не наше время?»

Определенное место в повествовании о людях и собаках предполагалось уделить его самой первой собаке, белому королевскому пуделю с воинственным именем Марсик (уменьшительное от имени бога войны Марса), псу вздорному и недоброжелательному. По-настоящему Марсик испытывал привязанность лишь к одному человеку – отцу Владимира Семеновича. Его он любил беззаветно, а остальных только лишь терпел. В том числе и Владимира Семеновича, хотя тот заботился о нем не меньше отца, выгуливал, когда в этом была необходимость, а также вычесывал колтуны из загривка и кисточки хвоста и даже иногда самостоятельно стриг.

И купал в ванне. Как это происходило – не трудно представить. Шум водных струй и взвизгивания и рыки несчастного пса смешивались с истошными криками банщика. Оста-

ется лишь удивляться, что банщику удавалось выйти из этой передраги хотя и насквозь мокрому, но живому...

Не исключено, что все эти неприятные манипуляции как-то влияли на холодное отношение Марсика к своему человеческому брату.

Правда, со временем он сумел трезво оценить поведение королевского пуделя и пересмотреть свое отношение к нему. Так что к началу работы над сочинением безоглядная любовь к Марсику превратилось в спокойную приязнь, граничащую с равнодушием.

Марсику эти перемены были до лампочки, а вот Владимир Семенович глубоко страдал. Исчезала иллюзия того, что отчий дом и все его обитатели живут в прекрасном облаке общей взаимной любви и центром этой любви является именно Марсик.

Вообще следует рассмотреть роль и значение домашних животных (и не только собак) в сплочении семьи. Но об этом – потом. Сейчас же несколько соображений общего порядка, касающихся главного предмета повествования, а именно – задуманной книги.

Сохранилось две обтрепанные страницы с блеклым машинописным текстом – эссе о пишущей машинке, на которой этот текст и был напечатан. Он тоже, как и другие заметки, терпеливо дожидался своей очереди быть включенным в книгу.

Вот это эссе.

«А где же старинная машинка американской фирмы «Ремингтон» – та самая, что прекрасно сослужила свою службу – ведь именно на ней в свое время я печатал научные статьи, составившие мою первую и самую удачную книгу, которая – и так далее, и тому подобное...?»

Пишущая машинка скромно доживала свой век на книжном шкафу, заботливо укутанная во фланелевую пеленку, и (забегая вперед, можно сказать) уже никто и никогда не пользовался ей по назначению.

Фу, какая глупость! Что значит по назначению? Как же еще можно пользоваться пишущей машинкой, кроме, как по назначению? Орехи колоть, что ли! Хотя... Забегая же назад, можно сказать, что упомянутая пишущая машинка (предмет довольно-таки весомый, она бы легко и с кокосом справилась) жила двойной жизнью.

Первая ее жизнь была у всех на виду. Я печатал на ней свои научные статьи, а также делал первые попытки сочинения художественных произведений, которые впоследствии выродились в вожделенный роман. Стихи свои, правда, я писал только от руки, а уж потом перепечатывал на машинке. Справедливости ради стоит сказать, что и прозаический текст я писал от руки на разных клочках бумаги, а уж потом...

И даже когда в доме появился компьютер, пишущая машинка фирмы «Ремингтон» не только не уступила ему свои позиции, а напротив – даже укрепила их. Хотя пишущая машинка и переехала с письменного стола на подоконник, а ее законное место заняли компьютерный монитор и клавиатура с мышкой, каждый раз, принимаясь за очередное сочинение, я возвращал машинку на старое место. А компьютером пользовался только лишь для деловой переписки.

И так продолжалось некоторое время, и уже было готово чуть ли ни в традицию превратиться.

Я нежно шептал:

– Я тебе никогда не изменю с этой бездушной электроникой!

И после сеанса творчества в очередной раз отправлял пишущую машинку на подоконник, за тюлевую занавеску.

И вот однажды машинка осталась на теперь уже привычном месте на подоконнике, а продолжение текста будущего романа буква за буквой, строчка за строчкой и даже страница за страницей появились на экране монитора, а затем и вовсе спрятались где-то в бесконечных недрах компьютерного космоса. Туда же я перенес с машинописных страниц и весь предыдущий текст, и там он уже превратился в обычный файл...

Конечно же, прогресс, как всегда, взял свое.

И действительно, разве может сравниться пишущая машинка, причем не современная, а старинная, с таким прекрасным прибором, как компьютер. Любая опечатка исправляется в долю секунды.

А, что там говорить!

И все же я не лукавил, когда клялся в верности переселенному на подоконник «Ремингтону».

С его, «Ремингтона», явной – скучной – жизнью были знакомы все в доме – и домочадцы, и гости, если их скользкий взгляд случайно останавливался на мерцающих во мгле рычажках и кружочках, с тоской выглядывающих на свет Божий из-за неплотно замотанной фланели, точно из-за театральных кулис.

Но никто, кроме нас с Олей не задумывался о другой, невидимой, жизни закутанной фланелевой пеленкой пишущей машинки. А ведь эта другая жизнь, вовсе не была скучной и унылой. Напротив, исследовав ее, можно легко представить себе законченные судьбы многих и многих людей и в первую очередь судьбу моей незабвенной мамы, начиная чуть ли не с ее детства, или даже еще раньше.

Ах, мама! Она вся осталась в том, другом, пространстве, но одновременно каждое мгновение находится здесь же, поблизости, рядом со мной, ее сыном, рождение которого стоило ей жизни...».

Эпизод из будущего романа прокручивается в голове снова и снова. Текст кажется каким-то водянистым, разбавленным.

«Явно чего-то не хватает, но вот чего именно – может быть, подробностей? Но вот каких?»

Он бросил продумывать эту сцену. Не нужно обращать внимания на погоду, природу и тому подобное. Может быть, живая действительность сама по себе незримо проникнет в повествование.

Невнятная и водянистая? Пусть такой и остается. Как вышло, так и вышло. Вызывало сомнение упоминание об оружии. Стоит ли с самого начала открывать суть происходящего? Но, с другой стороны, как иначе дать понять читателю, что речь идет, возможно, об убийстве?

Принимаясь в очередной раз за обдумывание романа, он в какой-то момент незаметно для себя съезжал с сочинения конкретного эпизода на размышления о природе творчества, и когда, спохватившись, возвращался к брошенному эпизоду, оказывалось, что тот никуда не годится. Короче говоря, думать о будущем произведении, как уже существующем, было в тысячу раз приятнее, чем придумывать (выцарапывать из небытия) его конкретные составные части.

Подобные приятные ни к чему не обязывающие размышления выглядели приблизительно так.

«Поначалу я пыхтел, стараясь написать такой роман, какие пишут настоящие писатели. И страшно мучился от того, что у меня плохо выходит. Ну, хотя бы взять героев. В настоящих романах, а также в повестях и рассказах, ты каждого человека видишь – как он выглядит, какие у него повадки, и к каждому прислушиваешься. Некоторые много говорят, а некоторые только хмыкают. Но всё это интересно и важно. А я и внешность человека не могу описать, ни заставить его говорить, как следует, не получается. И вдруг в какой-то прекрасный момент со мной что-то случилось чудесное. Напряжение исчезло, я полностью расслабился и подумал: «Не получается, и не нужно!». Потому что я не настоящий писатель. И нечего мне пыжиться. Буду писать, как хочу. В конце концов, не всем же быть настоящими писателями...»

Это произошло как раз в то время, когда я раздумывал, как читателя заинтересовать, чтобы он все-таки прочел мое сочинение. Про оружие, про истоки замысла убийства. И вдруг

понял, что все это примитивно, много раз делалось, и совсем-совсем не интересно. И не кому-нибудь, а именно мне самому не интересно. А если мне самому не интересно, как же это других может увлечь!

И я стал писать свободно и раскованно, как кто-то умный сказал».

В знакомстве с Сергеем не было ничего случайного. Оказывается, на самом-то деле они знакомы давным-давно и даже, в свое время, новорожденному Сереже досталась детская коляска, в которой годом раньше выгуливали новорожденного Владимира Семеновича...

Жены и мужья двух семейств дружили, часто встречались. Потом, после смерти Зины, его мамы, когда у его отца появилась новая жена, отношения изменились. Уже не было такого тесного общения. А потом началась война, и жизнь разломилась надвое (по крайней мере, для трех-четырёх летнего мальчика): большая и прекрасная часть «до войны» и какая-то тусклая – сейчас.

Конечно, были в Москве коммуналки и покруче, прямо-таки мрачные ночлежки, не говоря уже о таких жилищах, как бараки, где люди жили не в комнатах, а в настоящих конурах. Двоюродный брат Владимира Семеновича со своей мамой-вдовой ютился в подобном бараке, где-то у черта на рогах, за Выставкой. Владимиру Семеновичу там доводилось побывать, и однажды он даже прожил там несколько дней. Лучше не вспоминать!

Такие бараки на заре советской власти задумывались, как временное пристанище большого количества рабочих, одиноких мужчин и женщин, которым предстояло возвести, или оборудовать, или наладить в кратчайшие сроки какое-то очень важное в государственном смысле сооружение – метрополитен, или комбинат, или секретный специальный объект (скажем, жилой дом для особо важных сотрудников и их семей).

Кратчайшие сроки срывались и превращались сначала из кратчайших просто в короткие, а затем и вообще в сроки из-за своей чрезвычайной секретности, не имеющие конца.

Потом оказывалось, что вредители и враги социализма так хитроумно все запутывали, что и концов не найдешь.

А тем временем одинокие мужчины и женщины сходились, образовывали семейные союзы, обзаводились потомством, и бараки наполнялись ребятишками, и на веревках, протянутых через вытопанные дворы, сушилась помимо рабочих штанов и халатов родителей детская одежда...

Да, вот еще что!

В коммунальные превращались огромные барские квартиры, состоящие из пяти, семи, десяти комнат, с прекрасными кухнями, ванными, туалетами, кладовками, с черными лестницами, такими просторными, что некоторым парадным других домов до них не дотянуться.

Разумеется, комнаты перегораживались, кладовки превращались в жилые клетушки, туалеты и ванны приходили в негодность, барские светильники заменялись висящими на электрических шнурах патронами с тусклыми лампочками, почему-то всегда засиженными мухами.

И подобные коммуналки обрastaли каждая своей легендой, навсегда вытесняя их истинную историю... И уже даже начинало казаться, что раньше-то здесь ничего не было, и другие люди не жили, и комфорта никакого не было, и не звучала музыка, и не сидели в просторной зале вокруг прекрасно сервированного стола хорошо одетые и ухоженные мужчины и женщины...

Ах, что там говорить!

Что же касается квартиры, где обитали Алик, Вадик и Таня, то она все-таки выглядела совсем не плохо (если, разумеется, в ней не жить, а иногда приходить в гости). Можно было

даже подумать, что это вовсе и не коммунальная квартира, а отдельная, и живут в ней не чужие люди, собранные здесь волей судьбы, а члены одной большой и дружной семьи.

Да и сам дом, в общем-то, был вполне нормальным, рассчитанным на проживание в нем вполне благополучных советских семей, занимающих каждая свою квартиру в зависимости от количества детей – чем больше детей, тем больше комнат. Скажем семья, состоящая из мужа, жены и ребенка, могла, безусловно, рассчитывать на однокомнатную квартиру. Если детей было больше, то никто бы не удивился, если бы эта семья имела двухкомнатную квартиру. И так далее.

Но это все конечно одна лишь теория.

При распределении жилья вступали в силу совсем другие законы. Ну, кому бы пришло в голову разбираться с жилплощадью какого-нибудь начальника, занимающего трех или четырех комнатную отдельную квартиру, хотя он может быть вообще без жены, потому что вдовец.

Личная жизнь подобных жильцов окутана непроницаемым туманом тайны, и если вдруг в этом тумане появлялся на какое-то мгновение просвет, то выяснялось, что у него, жильца, многочисленная родня в деревне, а старенький отец в лаптях сидит в уголке на стуле из дорогого гарнитура и тренькает на балалайке.

А главный жилец – начальник – все это благосклонно и даже с благоговением принимает.

Владимир Семенович нередко придавался размышлениям на подобные темы и никак не мог подтвердить или опровергнуть истинность жизненных фактов, лежащих в основе этих размышлений.

Как ученый, то есть человек, мозг которого особым образом устроен, он понимал: картины, что рисовались в его воображении, вполне могут полностью соответствовать действительности. Чем черт ни шутит! Но возможен так же вариант, что все это является лишь невинной игрой ума...

Он не помнил точно, когда впервые принял столь важное для его дальнейшего существования решение (имеется в виду решение написать роман). Знал только, что давным-давно. Иногда ему приходила в голову безумная мысль, что возможно он и на свет Божий появился для исполнения этой задачи. Кто знает?

Впрочем, постойте! Так ли уж эта мысль безумна? Ведь все на этом свете совершается с какой-то высшей целью...

Времени для осуществления грандиозного замысла было отпущено порядочно – с незапамятных времен аж до настоящего момента! Грех жаловаться. И возникает законный вопрос: результат, где же? Вот то-то и оно.

А происходило следующее. Только он примется за дело, как обнаруживает: с сочинением романа ничего не получается. Холод и мрак! И ужас! В панике он решает выбросить из головы эту затею раз и навсегда. «Зачем зря мучиться, верно?»

Однако же через какое-то время горечь от постигшей неудачи рассасывается, и он снова, как говорится, с головой погружается в художественное творчество. И так – постоянно.

Тут снова необходимо сделать небольшое уточнение. Писать-то роман, конечно, придется, от этого не убежать. Причем, не только в голове сочинять, а писать именно в прямом смысле – слова и целые фразы ручкой на бумаге, или складывать слова и фразы, нажимая нужные клавиши на клавиатуре компьютера, а порой просто напороисто печатать текст на пишущей машинке. Но во всех случаях суть остается одна: ты не сочиняешь, не придумываешь, а лишь достаешь из глубин собственного сознания уже давно существующие там образы и соображения, которые в совокупности и составят, в конце концов, твое произведение.

Подобно многим авторам он пребывал (и до сих пор прибывает) в полной уверенности, что любой роман, и уж тем более собственный, только лишь задуманный, уже существует где-

то там, в неведомом пространстве, и остается лишь вытащить его за ушко да на солнышко, побрызгать волшебной водой, и – дело сделано!

И еще.

Вроде бы – уж куда проще: нырнул в прошлое, схватил там нужную тебе деталь (или даже целый эпизод) и вынырнул. И все дела! Но вот как быть со своей современной душой, наполнившейся вдруг живыми и горячими воспоминаниями из давно прожитой жизни!

Вот возник в воображении очередной замысел, и его не постигла судьба множества предыдущих замыслов. Он оказался жизнестойким, пустил корни в сознании автора и даже отвоевал почетное место в настоящем романе.

Встреча с белым песиком, оставленным своими хозяевами на произвол судьбы, случилась гораздо позже той памятной ночи, когда, вычитав в Ветхом Завете столь поразившие его слова: «...и собака юноши с ними», он вдруг отчетливо понял: уж если и сочинять о чем-то роман, то именно о взаимоотношениях людей и собак. Для такой книги и название прекрасное уже готово – «О людях и собаках».

И вот как-то вечером, в далекие школьные годы, Владимир Семенович сидел в своей комнате и читал «Фауста» Гете по-немецки.

Шрифт старинной книги был готический, и один вид этого шрифта, как всегда, перемещал Владимира Семеновича из привычной обстановки московской квартиры (кушетка, застеленная клетчатым пледом, письменный стол и так далее, и тому подобное), в мрачный средневековый зал, наполовину каменный, наполовину деревянный, с крутыми лестницами, ведущими во тьму. И на массивном столе, среди толстенных фолиантов в кожаных переплетах, сияет, спрятанное в стеклянную колбу, пламя настольной лампы.

Чувства персонажей этого таинственного и странного произведения, само собой разумеется, не могли не тронуть трепетную душу Владимира Семеновича. Однако еще больше, чем сюжет, его занимало описание обстановки средневековой научной лаборатории. Казалось, что именно здесь, в тиши библиотеки, заваленной свитками, рукописями, книгами, заставленной колбами и ретортами, зародилась Наука (с большой буквы), распространившись оттуда по всей Земле.

На первом плане повествования оказывались фонари, зеркала, многоцветные витражи – предметы из толстого стекла, пронизанные – ярко алыми, изумрудными, золотыми лучами...

Возможно, смутная догадка юного читателя о том, что это произведение вызывало такое впечатление помимо воли самого автора, имела под собой основания. Недаром же Поэт и Ученый, каковым, вне всякого сомнения, был великий Гете, с глубоким интересом – как позже узнал Владимир Семенович – изучал физические свойства света!

Часов, наверное, в девять вечера в прихожей раздался звонок. Хотя внимание Владимира Семеновича и было поглощено чтением и одновременно размышлениями о природе готического шрифта, он все-таки расслышал предшествующую звонку в дверь возню королевского пуделя по кличке Марсик в коридоре – как он насторожился на своей подстилке, потом, скребя когтями по полу, поднялся на ноги, подошел к входной двери, и, потоптавшись, зарычал.

Когда же звонок раздался, квартира наполнилась отчаянным собачьим лаем. Пес был старый, опытный, умудренный жизнью, но ничуть не дряхлый. А ведь к тому времени ему было уж никак не меньше десяти лет. Некоторые из этой породы, считалось, чуть ли не до двадцати могли дотянуть.

Во многих домах живут собаки на правах близких существ. Дело обычное. Хозяева их даже иногда называют «наш сыночек» или «наша дочурка». Когда Владимир Семенович слышал такое, его смех пробирал. Какими нужно быть, в общем-то, мягко выражаясь, недалеко, чтобы так высоко ставить своих домашних питомцев. Но для него самого Марсик был (по признанию юного Владимира Семеновича) чуть ли не старшим братом и, может быть, даже

в какой-то степени вторым отцом, потому что он испытывал к нему уважение, как к старшему. Наблюдая за своей собакой, он пришел к выводу, что по интеллекту она уж никак не уступает людям, а в некоторых случаях даже и превосходит их.

Итак, звонок в дверь и лай собаки.

– Вова, открой дверь! Это ко мне! – закричал из своей комнаты папа.

Голос отца был громкий, звонкой (не всегда, конечно, а только в определенных обстоятельствах, таких, например, как сейчас, – он ждал к себе гостей и находился в состоянии душевного подъема). Да и выражение его лица в таких случаях было особенное, восторженное: глаза сверкали, и вся его небольшая фигурка словно бы расширялась, готовая обнять весь мир.

Однако же все воодушевление быстро испарилось, лишь только он вышел в коридор и обнаружил, что это вовсе не его гостям, а какой-то незнакомый толстый мальчик, который смущенно топтался в дверях, не решаясь переступить порог.

– Кто это?

– Папа, это ко мне.

Выражение радости и доброжелательности исчезло с его лица. Оно стало напряженно выжидательным. Плечи шевельнулись, как у боксера, принявшего защитную стойку.

Словно бы внутри что-то переключилось...

Кстати, с годами Владимир Семенович и у себя стал замечать, что в некоторых обстоятельствах принимает точно такую же, как у отца, защитную боксерскую стойку.

Подобные перепады настроения были хорошо знакомы Владимиру Семеновичу, и пора было бы к ним привыкнуть. Но всякий раз они неизменно вгоняли его в ужасную тоску. Только-только почувствуешь себя любимым сыном, с которым отец делится своей радостью по поводу прихода в их общий дом гостей, только-только сердце наполнится радостью, как тут же возникнет тревога и навалится тоска, потому что становится ясно: вся эта семейная гармония лишь игра на публику, в действительности же никакой общности нет. Наоборот – есть разобщенность, и даже вражда.

Неожиданным гостем оказался Жирдяй. Не успела дверь перед ним распахнуться, как он шагнул в прихожую и выпалил:

– Ушел из дома. Теперь наступает ночь. Не знаю, что делать.

Можно было подумать, что вид отца устрашающее подействует на Вадика – Жирдяя, однако тот ничуть не испугался, а очень по-светски поклонился и чуть ли даже не спросил: «как поживаете?», но тот не заметил, или сделал вид, что не заметил, эти поползновения вежливого мальчика и скрылся в своем кабинете, за стеклянной дверью.

Кроме того, что мальчики были из одной школы, Вадик жил в одной коммунальной квартире с Аликом, одноклассником и ближайшим другом Владимира Семеновича, к которому тот частенько навещался. Именно поэтому Вадик Шур и попал в свое время в поле зрения старшего товарища.

Семья Вадика занимала одну из трех комнат в коммунальной квартире. В двух остальных проживали Алик с мамой и еще одна семья, состоящая из яркой полной дамы и ее дочери, ровесницы Вадика по имени Таня, которая умудрялась всякий раз оказываться в тесной прихожей, когда Владимир Семенович приходил к Алику. (Он был убежден, что девочка Таня его выслеживает, посягает на него, и это было крайне неприятно, так как эта девочка ему совсем не нравилась).

Вадик был большой и толстый мальчик, за что получил прозвище «жирдяй».

Интересно: как вообще появляются прозвища? Именно в связи с Вадиком и его школьным прозвищем Владимир Семенович в свое время размышлял над этой проблемой, и таким образом Вадик присутствовал в его мыслях.

Трудно себе представить, что какого-нибудь незрелого первоклашку при виде большого толстого мальчика, с трудом помещающегося за партой, вдруг осенит, и он придумает для него прозвище, скажем, «жирдяй» (или какое-нибудь другое). Первоклашки вообще очень дружелюбный народец – во всяком случае, на первых порах – и совсем не помышляют обидеть кого-нибудь из своих, да и вообще кого-нибудь.

Однако же прозвища вдруг появляются, точно из воздуха, и прилепляются к тому или другому ученику.

Да, да – именно из воздуха.

Все эти прозвища живут в атмосфере классной комнаты, или школьного коридора, или даже в школьном дворе, куда ребяташки выбегают побеситься во время переменок.

Как именно прозвища материализуются – покрыто тайной.

Вдруг, совершенно неожиданно для всех, в шуме и гаме школьной перемены звучит вдруг смешное словцо – «жирдяй», и все почему-то точно знают, что словцо это относится именно к большому и толстому мальчику Вадике Шуру, который, кстати сказать, скромнехонько стоял в сторонке и старательно кушал бутерброд с колбасой.

И все. Прозвище прилипло!

– Эй, жирдяй!

– Жирдяй пошел!

– Жирдяй, дай колбаски!

И так далее, и тому подобное...

С течением времени одноклассники привыкли к облику толстого Вадика и перестали дразнить, а слово «жирдяй» превратилось в кличку. В старших классах и эта кличка отмерла. А новой так и не придумали.

Получилось, что вообще никакой клички у Вадика не оказалось, и его окликали по фамилии – Шур.

Правда, малыши иногда позволяли себе крикнуть: «Жирдяй идет», когда уже повзрослевшим старшеклассником Вадик случайно оказывался на этаже первоклашек. Но Вадик не сердился, даже немного гордился своей популярностью.

Впрочем, как-то незаметно это прозвище прилипло к свеженькому первоклашке, соответствующей внешности.

Владимир Семенович с Вадиком не дружил, но относился к нему с симпатией. Характер отношений между школьниками, да и вообще между детьми, подростками и даже юношами, довольно трудно определить – дружба ли это или взаимная симпатия. Во всяком случае, одноклассники или ученики параллельных классов иногда оказываются в таких ситуациях, что попросить помощи или придти на помощь друг другу можно лишь в том случае, если ты испытываешь к человеку чувство дружбы.

Владимир Семенович ничуть не удивился столь позднему появлению Вадика. Потому что ожидал нечто подобное. Сегодня днем на его глазах Вадик не то, что ушел, а буквально умчался из собственного дома. И Владимир Семенович оказался невольным свидетелем этого события.

Но это оказалось не тем, о чем Владимир Семенович подумал. То есть Вадик ушел из дома не в обычном, так сказать, повседневном смысле слова – скажем, ушел из дома подышать свежим воздухом или ушел из дома в школу или в гости. Он ушел из дома, как, например, Лев Николаевич Толстой – с концами.

Что же произошло? А вот что.

Наскоро сделав уроки, что давалось легко, Владимир Семенович отправился в гости к другу и однокласснику Алику.

Собственно говоря, это не было в известном смысле походом в гости. Понятно, что если в гости – то обязательно усадят за стол, дадут чего-нибудь вкусенького и так далее и тому подобное. В данном случае никакого угощения Владимира Семеновича там не ждало. Тем более, он с Аликом и не договаривался заранее, что зайдет к нему. Так что он вполне мог и не застать Алика дома. Такое, кстати сказать, довольно часто случалось. Один мальчик направлялся к другому и в пути разминались.

Так и сегодня получилось, но дело не в этом.

Владимир Семенович вошел в подъезд, поднялся на второй этаж и собрался, было, нажать три раза на кнопку звонка (хотя квартира и была коммунальная, но звонок был общий, так что звонить нужно было каждой семье разное количество раз), но тут увидел, что дверь квартиры приоткрыта.

Такое бывало. Но, хотя дверь и была отперта, прежде чем войти, он все равно трижды нажал на звонок, чтобы предупредить Алика о своем приходе.

Обычно, не успевал звонок прозвенеть, как дверь отворялась и в проеме показывалась рослая девочка с пушистой головой и большими глазами, которые только и можно было различить в полумраке. Это была Аликина соседка по коммунальной квартире Таня.

– Здравствуй, Вова, проходи, пожалуйста, – тихо произносила девочка. – Алик дома.

На полшажка отступала, останавливалась и, продолжая, как зачарованная, смотреть на гостя, звала своего соседа по коммунальной квартире. – Алик, к тебе пришли!

Голосок у нее был слабый, словно дыхание от волнения перехватывало. При этом девочка продолжала стоять в дверях, как столб, мешая Владимиру Семеновичу перешагнуть порог.

Появлялся Алик. Он без слов отодвигал соседку точно какой-то неживой предмет в сторону, брал Владимира Семеновича за рукав и увлекал за собой в свою комнату. Или же, если мальчики заранее договаривались погулять, сдирал с вешалки пальто, шапку, и друзья вываливались из квартиры. Таня же, точно в столбняке, продолжала стоять в коридоре.

Хотя Владимир Семенович был мальчиком (а затем юношей, молодым человеком и так далее и до сих пор таковым остается) влюбчивым и страстным именно девочка Таня никак не задевала его сердца. То есть не пробуждала в нем никаких нежных чувств. Каждый раз Владимир Семенович задавал себе вопрос: «Как так получается, что она оказывается в прихожей возле входной двери именно в тот момент, когда я звоню в дверь?» И не находил ответа. Правда, однажды его вдруг осенило: «Она же специально меня поджидает! И – о, ужас! – уж не влюблена ли она в меня?»

Открытие напугало Владимира Семеновича. Сам по себе он готов был с головой броситься в любые безумные приключения, но тут в испуге остановился, столкнувшись с чужой волей. Любовь, которую он готов был искать самостоятельно, вдруг возникла перед ним в лице девочки Тани. Но сего момента для Владимира Семеновича она вообще ничего значила. Так. Пустое место. А оказывается...

Ну, ладно. Как говорится, «замнем для ясности».

Следует отметить, что все попавшие на заметку Владимиру Семеновичу события, наблюдения, диалоги, размышления, люди и так далее и тому подобное, он воспринимал как строительный материал для своей книги. Что касается девочки Тани, то он поначалу решил, что она вполне может подойти для теперешней криминальной истории. Хотя она и вспомнилась абсолютно случайно. Постольку поскольку. Девочка из коммунальной квартиры, живущая в соседней комнате со школьным другом Аликом, которого Владимир Семенович вспомнил, чтобы списать с него одного из персонажей обдумываемого романа. Что из этого получилось – известно.

Так вот, у него в какой-то момент мелькнуло в голове соображение рассмотреть Танину кандидатуру на пост главной героини обдумываемого романа. И уже в следующее мгновение эта мысль была с негодованием отвергнута.

По замыслу героиня была ничем не примечательной девушкой. То, что в нее влюблялись молодые люди, вовсе не означало, что она по сути своей достойна была подобного поклонения. Тут, скорее, все зависело от самих молодых людей. Никаким особенным темпераментом она не отличалась. Да и красота ее была какая-то невнятная. Недаром же Сергей остыл к ней, не успев возвратиться из Крыма в Москву. Да и чувство автора к ней, ярко вспыхнув, продержалось совсем недолго...

Нет, эта роль не для Тани...

Несколько слов о самой квартире, а также о доме, в котором она находилась.

Собственно говоря, для повествования описание квартиры особого значения не имеет, но все же, раз уж о ней зашла речь, можно этим воспользоваться. Владимир Семенович частенько посещал, и до сих пор посещает эту квартиру в своих воспоминаниях (или, наоборот, она навевалась в его память), и целая гамма чувств сопровождает эти воспоминания о безвозвратно прошедшем.

Чувства не сопровождали, а наваливались всей своей горькой и одновременно сладкой тяжестью, обволакивали, заставляя сердце сжиматься. Душа освобождалась от постоянной повседневной брони и становилась легко ранимой и незащищенной.

Просто удивительно, как в такой небольшой квартире с крошечным туалетом, тесной ванной комнатой и кухней, где и двум-то людям не разойтись, помещалось столько жильцов.

Посчитаем.

В одной комнате, самой просторной, квадратной, приблизительно шестнадцати квадратных метров, жили Вовин школьный товарищ и друг Алик и его мама. Вторую комнату, размером поменьше первой, занимала еще одна неполная семья – Таня и ее мама. В третьей же комнате, самой маленькой, вытянутой как пинал, помещалась семья Вадика Шура – отец, мать и сам Вадик.

Итого, семь человек.

И ведь помещались!

Прихожая была темная и тесная. Лампочка там никогда не включалась, а свет проникал с лестничной клетки через входную дверь, пока пришедший ее не захлопывал. А если еще и в коридоре не горел свет, то на какое-то время ты оказывался в полной темноте.

Наверное, следует более подробно рассказать об этой квартире, и вообще о коммунальных квартирах, которых в тогдашней Москве было множество. Были, конечно, и отдельные квартиры, но коммунальных было все-таки значительно больше. Но об этом – позже.

Дверь комнаты, которую занимали девочка Таня и ее мама, распахнулась, и в коридор выскочил Вадик. Он, точно затравленный, оглянулся по сторонам и скрылся в сумрачных недрах квартиры. Владимира Семеновича, стоявшего в темной прихожей, он заметил. Вслед за Вадиком из комнаты стремительно вышла Таня и, не глядя по сторонам, решительно направилась на кухню. Владимир Семенович последовал за ней. Не специально за ней, конечно же, а мимо кухни в сторону комнаты Алика. Однако своего любопытства не скрывал. И оказался, как уже говорилось, невольным свидетелем интереснейшей сцены.

Раскрасневшаяся от негодования девочка буквально впилась своими большими серыми глазами в темечко Вадикиной мамы, которая, близоруко склонившись над столом, то ли луковичу нарезала, то ли еще что-то готовила.

– Вера Моисеевна! У меня к вашему Вадику претензия! – громко и торжественно проговорила Таня, словно бы выступала с докладом на комсомольском собрании.

– Претензия? К моему Вадику? У тебя? – переспросила Вера Моисеевна, продолжая свое дело и лишь слегка повернув ухо в сторону девочки.

– Именно!

– Какие у тебя могут быть претензии к моему Вадику?

Таня была настроена решительно.

– Какие претензии?

И, выдержав театральную паузу, она медленно произнесла:

– Когда мы остаемся вдвоем, ваш Вадик ко мне пристает. Он непременно начинает обниматься и целоваться.

– Интересно!

Мать Вадика была явно озадачена, не сказать бы – шокирована только что услышанной новостью о поведении своего сына. Ее лицо, и без того румяное от готовки, еще больше покраснело. Она с такой силой швырнула на стол ножик, что он, подскочив, упал на пол. Часть нарезанного лука так же посыпалась со стола ей под ноги.

– Вадик, походи немедленно сюда! Ты слышишь, что Таня рассказывает?

Тон маминого голоса не обещал мальчику ничего хорошего. Но Вадик не слышал. Он успел выбежать из квартиры – только удаляющийся топот ног донесся с лестницы.

Вера Моисеевна каким-то безучастным, невидящим взором провела по лицу Владимира Семеновича, точно он был невидимкой, обняла Таню и стала ее ласково похлопывать по спине, желая утешить. Таня не сопротивлялась. Никто из них не обращал на внимания невольного свидетеля этой сцены. Тот этим воспользовался и, как ни в чем не бывало, прошел в комнату к Алику.

Алика, однако, дома не оказалось, и его гость отправился восвояси.

Шагал и вспоминал во всех подробностях сцену, которой только что был свидетелем. И в ушах звучала эта фраза: «У меня к вашему Вадику претензия».

Нет, действительно, фраза была удивительная. Владимир Семенович ее сразу же полюбил, и потом, когда бы ни вспоминал в течение жизни, всегда начинал улыбаться, и настроение поправлялось, пусть даже за мгновение до этого на душе было мрачно. Не успевал вспомнить ее, как губы вдруг со страшной силой сами по себе растягивались в улыбке.

С Владимиром Семеновичем такое происходит в самых неподходящих местах, например, в вагоне метро. Лицо от посторонних не спрятать, вот и стоит человек, дурак дураком, и улыбается на глазах у изумленной публики. И бороться с этим невозможно. Одно спасает – никому из посторонних до улыбок чудаковатого пассажира и дела-то никакого нет. Разве что две какие-нибудь смешливые подружки – школьницы взглянут и зайдутся в радостном смехе...

Вадик лишь приблизительно знал, где живет Владимир Семенович, но, все же, каким-то чудом оказался в нужном дворе, в нужном подъезде и перед нужной квартирой.

Королевский пудель отнесся к неожиданному гостю довольно гуманно, не стал его кусать, а только ненадолго задержал в своей пасти кисть его безвольной руки, и когда мальчик хотел, было убрать руку, прихватил ее посильнее.

Вадик побледнел, глаза его стали круглыми от испуга, и этого нельзя было не заметить. Но он держался мужественно, в том смысле, что не молил о помощи, а только вежливо просил Марсика:

– Ну, не надо! Ну, не надо же...

– Марс – с – сик, – грозно прошептал Владимир Семенович.

У Марсика был, надо сказать, довольно-таки противный нрав, и беспрекословно он подчинялся только отцу. К приказам же Владимира Семеновича относился с легким презрением и если выполнял их, то нехотя, кое-как. Вот и сейчас, королевский пудель сделал вид, что не слышит, и лишь чуть помедлив, ослабил хватку и освободил мальчика. А сам с шумом уронил на свою подстилку под вешалкой ее пыльное курчавое тело и затих. А мальчики направились в комнату Владимира Семеновича, где Вадик изложил свои ближайшие планы на жизнь.

План у Вадика был готов. Он твердо решил не возвращаться домой, а уехать куда-нибудь подальше из Москвы, и там – на Севере, или может быть даже на Юге – устроиться на рыбо-ловецкое судно и...

Но это – завтра, а эту ночь он переночует здесь. Если можно.

В ожидании совета старшего товарища, он сидел, понурившись, на стуле за письменным столом и невидящим взглядом уставился в листок с только что написанным Владимиром Семеновичем стихотворением. Хозяин молча, точно не Вадик гость и проситель, а он, устроился на тахте.

Затея была, конечно, абсолютно детская. Ну, хотя бы, как он доберется до Севера или до Юга? Тут на билет требуются большие средства. Вряд ли у него в кармане были такие деньги. Не говоря уже о том, кто захочет взять его, школьника, на взрослую и опасную работу.

– Только не говори родителям, – тихонько проговорил Вадик. – Ладно?

Владимир Семенович неопределенно кивнул: – ладно, мол. Кивок Вадик воспринял, как согласие, и в ответ виновато улыбнулся.

Что же касается Владимира Семеновича, то он, будучи мальчиком разумным, про себя сразу же решил связаться с Вадикскими родителями. Можно себе представить, что они начнут думать, когда их сын не вернется домой ночевать.

Да уже сейчас начали думать!

Нужно было действовать.

– Ты посиди, – сказал он Вадиду, – а я выведу Марсика погулять перед сном. Мы ненадолго.

Из телефона-автомата Владимир Семенович позвонил своему другу Алику, и, не вдаваясь в подробности, попросил позвать к телефону Веру Моисеевну, что Алик и сделал. Когда мама Вадика взяла трубку, все ей объяснил.

Поговорив по телефону с мамой Вадика и немного погуляв с собакой, Владимир Семенович, как ни в чем не бывало, вернулся домой и попытался завести с Вадиком разговор о его безумных планах и убедить не делать глупостей. Но беглец молчал, только упрямо поводил головой, не желая слушать никакие советы.

Что бы как-то его занять и отвлечь от грустных размышлений, Владимир Семенович дал ему бумагу, карандаш и предложил на скорость нарисовать Марсика, который, по своему обыкновению, не спрашивая на разрешения, улегся на тахту и задремал.

Вадик скептически отнесся к предложению старшего товарища, но не стал спорить с хозяином и, заявив, что никогда не рисовал с натуры, приступил к работе.

И как-то очень быстро втянулся в творческий процесс.

Рисунок у начинающего художника получился довольно интересный, пусть даже у собаки хвост кисточкой торчал совсем не оттуда, откуда нужно, и голова у нее была как-то странно вывернута. Но все же, можно было понять, что изображен именно королевский пудель и что характер у этого пса не сахар.

Кстати сказать, Марсик вдруг насторожился, зарычал и, спрыгнув с тахты, бросился в прихожую. Владимир Семенович побежал за ним и, не дожидаясь, пока раздастся звонок, открыл дверь.

Перед дверью стоял Алик.

Как и всегда, школьный товарищ пребывал в состоянии восторженного ожидания какого-нибудь приятного сюрприза, который готова преподнести ему жизнь. Собственно говоря, для него любая неожиданность была приятна.

– Я их привел, – прошептал Алик. – Они внизу ждут.

– И Вадикин отец пришел? – также шепотом спросил Владимир Семенович.

– В том-то все и дело!

Мальчики ринулись вниз по лестнице. Марсик, разумеется, увязался за ними, хотя могло показаться, что это они за ним увязались. Владимир Семенович еле успел догнать его у входной двери и защелкнуть на ошейнике карабин поводка.

Взволнованные родителя Вадика стояли во дворе в сторонке, чуть ли не за ручки держась, как испуганные дети. Лампочка над подъездом была слабого накала, а они находились чуть поодаль, так что их не сразу можно было разглядеть.

Как же они отличались от строгих солидных людей, с которыми Владимир Семенович сталкивался в их квартире, пусть даже коммунальной. Настоящие «взрослые». Теперь же они уже не казались такими крупными, даже тучными, как у себя дома, а словно бы уменьшились в масштабе.

Куда делась их взрослость?

Марсик деловито их обнюхал и потянул поводок к подворотне, желая продолжить прогулку, но не тут-то было. Владимир Семенович строго цыкнул, чтобы привести его в чувство, и пес послушно уселся, аккуратно положив хвост с кисточкой на асфальт. Весь его вид показывал, что он проникся серьезностью момента. Да и мальчиков одновременно вдруг пронзила острая жалость к этим растерянными и беспомощными людям, в силу каких-то идиотских обстоятельств оказавшихся поздним промозглым вечером в чужом дворе, у подъезда чужого дома.

– Где он? – шепотом спросила Вера Моисеевна с такой тревогой, будто бы ожидая услышать что-то очень страшное.

Не стовариваясь, мальчики даже одновременно засмеялись, настолько истинное положение дел не соответствовало взгляду на него Вадикиных родителей. Но тут же, тоже не стовариваясь, прекратили этот неуместный смех.

– Он у нас, – ответил Владимир Семенович с нарочитым спокойствием. – Мы с ним рисуем с натуры.

Отец Вадика что-то пробормотал неразборчивое, вроде: «Он, видите ли, рисует», но встревоженная за судьбу сына мама одним лишь грозным взглядом осадила его. Ну, а дальше – под конвоем родителей Вадик был препровожден домой, там, надо думать, с ним провели беседу, а может быть, все обошлось без лишней педагогики.

Если, конечно, педагогика бывает лишней.

В жизни так бывает, что с тобой происходят несколько очень важных событий одновременно. Одно важное событие словно бы притягивает другое. Причем ты сам не понимаешь, какое событие важное, а какое не очень. И лишь спустя время значение этих событий в твоей жизни открывается в полной мере. Приход к Владимиру Семеновичу в тот давний, давний вечер младшего школьного товарища Вадика совпала с еще одним важным событием. Имеется в виду ужин, который устраивал его отец и на который с таким нетерпением ждал гостей.

В памяти вдруг возник образ отца, живого и полного сил, молодого, со сверкающими глазами, сдирающего с себя кухонный фартук, так как блюдо уже было приготовлено, а в дверь звонили гости.

Как было сказано: «Вдруг возник в памяти образ отца»? Нет, это не точно сказано, потому что образ отца никогда и не покидал Владимира Семеновича. Конечно, иногда он не думал о нем. Было ясно одно, и самое главное – он где-то неподалеку существует. Что же касается самого отца, то он не очень-то стремится общаться с родным сыном и вел себя так не по злому умыслу, а в силу характера. Точнее сказать, в силу своего душевного устройства. И хотя это внутреннее устройство порой заставляло его совершать по отношению к родному сыну немислимые, даже какие-то дикие поступки, сын, в общем-то, не сильно на него обижался. В этом, наверное, и заключается любовь к родителям – не держать на них зла, а еще точнее – строго не судить.

С тех пор, как он покинул этот мир, оставив в душе Владимира Семеновича смятение, он постоянно существует в его памяти.

А тогда он еще был жив – здоров... Драматические события вечера, связанные с побегом Вадика из дома, никак отца Владимира Семеновича не заделали, да он вряд ли бы ими заинтересовался. Он с нетерпением ждал своих гостей, для которых собственноручно испек в чуде бисквитный торт, облитый горячим шоколадом и украшенный поверху половинками грецких орехов. Торт остывал, распространяя по всей квартире и даже по лестничной клетке запах ванили.

Забегая вперед, скажем, что этот запах из детства Владимир Семенович как-то вдруг встретил в уютной эдинбургской гостинице, а потом неоднократно унюхивал в гостиницах в разных уголках мира, куда, как говорится, его заносила беспокойная судьба историка науки. И всякий раз в его памяти возникала картина их квартиры – темноватая, наполненная легким чадом кухня и возбужденный папа в фартуке и с блюдом в руках, на котором благоухал только что испеченный торт.

Вообще, отец любил готовить и при первой же возможности надевал кухонный фартук длиной чуть ли не до пола, зажигал все газовые конфорки, ставил на них кастрюли, сковородки, и кухня наполнялась хлопотанием, шипением, ароматными парами, сизым дымком.

Гости задерживались. Отец скрылся на своей половине и затих.

Его «половина» квартиры, то есть две его смежные комнаты, находилась за двойной дверью с застекленными квадратами точно это не городская квартира, а какой-то дачный павильон. В первой комнате, где между двумя креслами стоял торшер с алым абажуром из вошеной бумаги на проволочном каркасе, можно было рассмотреть низенький журнальный стол, всегда заваленный книгами и журналами, и другой стол, который в особых случаях можно было раздвинуть и накрыть нарядной скатертью.

За этой комнатой располагалась спальня с широкой тахтой на низеньких ножках, закрытая шотландским клетчатым пледом. Здесь же находился письменный стол, а точнее – секретер с большим количеством разных ящичков, наполненных разными мелкими вещичками, которые любопытный Владимир Семенович так любил рассматривать в отсутствие строгого отца...

Тяга Владимира Семеновича к запретному во многом объясняла постоянные скандалы, которые родитель устраивал по возвращении домой после очередного долгого отсутствия. Не смотря на все старания сына вернуть раскопкам прежний вид, отец всегда обнаруживал следы вторжения. Заметив беспорядок в своем письменном столе, а также в шкафу с костюмами и рубашками, где сын также любил порыться, отец приходил в бешенство. Очевидно, именно это чувство руководило им, когда он обнаружил отсутствие красного халата.

Владимир Семенович ничего не мог с собой поделаться. Пойманный врасплох, тысячу раз давал обещание отцу, да и самому себе, что никогда-никогда больше не прикасаться к чужим вещам, но ни разу своего обещания так и не выполнил.

В сумраке коридора сквозь стекла дверей отцовских покоев таинственно светился розовый торшер возле кресла, в котором папа любил сидеть, развалившись, покуривая сигарету и почитывая книжку.

Так он и сейчас поступал, в ожидании гостей.

В столовой уже был раздвинут и накрыт праздничный стол с бокалами и салфетками. В фарфоровой вазе лежали фрукты – апельсины, груши, яблоки. Каждая салфетка была проделана в специальное широкое кольцо, напоминающее браслет. Отец гордился своим умением сервировать стол, и не только сервировать, но и готовить, что он и демонстрировал в кухне, сняв пиджак и надев фартук, обтягивающий его плотный торс.

В тот памятный вечер отец жал, ждал гостей и дождался-таки.

Через час или даже еще позже, когда уже, казалось бы, все сроки ожидания прошли, гости заявили, о чем Марсик известил своим бешеным лаем.

Гостей было не меньше пяти, некоторые из них были иностранцы. Там была очень красивая белокурая женщина в брильянтах, в песцовой накидке. От нее очень тонко пахло духами, каким-то свежим запахом, чуть цитрусовыми и может быть даже немного хвойным. Она очень серьезно, с большим вниманием посмотрела на Владимира Семеновича, толкавшегося здесь же и пытавшегося поместить одежду на вешалке, быстро обняла и прижала к себе.

Эта прекрасная женщина, окруженная точно сказочная фея облаком любви и доброты, своими легкими пальцами поерошила его шевелюру и тихо сказала:

– Как же ты похож на Зину!

Остальные гости также все по очереди погладили его по голове, и даже отец с воодушевлением похлопал сына по темечку...

Из пяти участников того далекого приключения лишь двоегодились для персонажей задуманного романа.

Себе Владимир Семенович отводил роль автора, то есть персонажа, от лица которого ведется повествование. Сереже (теперь-то Сергею Анатольевичу, уже не просто какому-то там «новому» знакомому, одному из многих, а другу детства) предстоит сделаться основным героем будущего романа, а именно – мишенью для стрелка.

Чтобы стать «старинными» друзьями, им потребовалось время, как – никак несколько десятилетий. Однако сейчас, погружившись в воспоминания, Владимир Семенович воспринимал его таким, каким видел тогда, а именно – просто новым знакомым.

И все же даже тогда он уже не был просто новым знакомым.

Сережа был сыном той прекрасной женщины, которая оказалась в числе долгожданных гостей в тот памятный вечер, и которая крепко обняла Сергея Владимировича со словами: «Как же ты похож на Зину!»...

Мальчик Сережа пригласил мальчика Вову на дачу встречать Новый год. И тогда они действительно только-только познакомились, буквально накануне, месяца за два – за три до начала зимних каникул. И всего несколько раз встречались друг у друга в гостях. Они еще тогда друг друга не вполне изучили, поэтому им было интересно общаться.

Взаимный интерес не пропал и в дальнейшем.

Можно было бы и самого убийцу-стрелка подобрать из тех же пяти участников. Взять хотя бы бывшего мальчика, сына владельца арсенала. Но прототип уже был намечен, и Владимир Семенович успел так с ним сжиться, что не было никакой возможности менять его. Волонтеризм в выборе героя не проходит (в смысле – не канает). Невозможно худощавого парня с якобы спокойным лицом, скрывающим в пристальном взгляде неистовый умысел, заменить добродушным толстяком, готовым развеселиться от любой сказанной невпопад шутки. А именно таким стал с возрастом сын владельца арсенала.

Правда для следующего литературного замысла осталась «заготовка», то есть утвердилась в памяти милая семейка, состоящая из трех человек – папы, мамы и их сынка, того самого, что навел компанию на ящик с пистолетами и патронами в отцовском письменном столе.

Теперь об оружии, которым должно быть совершено убийство.

Откуда оно взялось? Рука Владимира Семеновича и сейчас, спустя столько лет, помнит, как содрогнулась в момент выстрела.

Пистолет внезапно ожил, дернулся и едва не вырвался из судорожно сжавших его пальцев. Но все-таки остался зажатым в руке, все еще тяжелый, но снова присмиривший.

Пальба шла по всему лесу. Даже удивительно, как это обошлось без жертв в ту далекую-далекую новогоднюю ночь, снежную и теплую. Разгоряченные бегом по лесу и стрель-

бой из боевого оружия, мальчишки поснимали шапки, распахнули зимние пальто, но все равно им было жарко.

А вообще-то тогда мода такая была у школьников – ходить зимой без шапок, даже в сильные морозы.

Владимир Семенович так же поддался этому поветрию. Няня страшно на него сердилась, когда он зимой выходил из дома без шапки. Она кричала, выкатывала глаза, сжимала кулачки, словно бы готова была его побить. У нее и убедительные аргументы имелись против хождения без шапки по морозу.

– Вылезут волосы, будешь лысый!

Она любила Владимира Семеновича, «сиротинушку», как она частенько выражалась, и старалась ни на миг не выпускать его из зоны своего внимания. Даже порывалась, как маленького, провожать в школу и встречать после уроков. Но, в пятом классе мальчик взбунтовался, затопал на няню ногами (его отец, кстати сказать, также поступал, когда сердился), и няня смирилась. Но всякий раз, а это случалось даже в старших классах, выводила Владимира Семеновича за дверь квартиры, тщательно проверив, все ли пуговицы на пальто застегнуты, хорошо ли повязан шарф и плотно ли сидит на голове шапка. Из окна кухни она провожала его взглядом, пока тот топал через двор к арке, ведущей в переулок.

Выйдя из двора на улицу, Владимир Семенович сразу же, сдирал с головы шапку и, весело размахивая ею, шагал в школу.

Так вот – об оружии.

Компания юных стрелков, включая Владимира Семеновича, состояла из пяти человек. И пистолетов было пять.

Все они были разных систем, разных размеров – большие, средние, маленькие. Владимиру Семеновичу приглянулся самый маленький пистолетик, которому он дал название «браунинг». Возможно, он именно так и назывался в действительности. Но ему удалось лишь какую-то минутку подержать браунинг в руках. Только-только он попытался извлечь из рукоятки обойму с патронами, как Сережа, его новый «старый» знакомый, к которому Владимир Семенович приехал встречать Новый год на дачу, ловко выхватил браунинг из его рук, и Владимиру Семеновичу пришлось довольствоваться большим и тяжелым наганом.

Как и в случае с «браунингом» он сам дал доставшемуся ему оружию название «наган», хотя в действительности тот мог как-то иначе называться. Там еще был один довольно интересный пистолет с барабаном, набитым патронами. Вращаясь, барабан пощелкивал, и похрустывал, и словно бы представлялся: «Я – револьвер!». Так его и назвал для себя Владимир Семенович. Хотя в действительности именно его правильное было бы назвать наганом.

В течение жизни память Владимира Семеновича неоднократно возвращалась к той новогодней ночи, к тому таинственному ящику письменного стола, набитого оружием и патронами, и всякий раз он ловил себя на том, что до сих пор не удосужился уточнить название доставшегося тогда пистолета, да и всех остальных тоже.

Как-то в его руках случайно оказался иллюстрированный справочник с данными о множестве самых разнообразных систем огнестрельного оружия, где он к своему удивлению нашел-таки все пять своих давних «знакомцев», узнал их названия и боевые свойства и запомнил все это, казалось бы, навсегда. Но, как оказалось, все эти знания немедленно выветрились из памяти, лишь только он захлопнул книгу: в ученую голову влетела какая-то важная мысль, которую он немедленно принялся обдумывать. А про пистолеты забыл. Что же удивляться? Человек он мирный и интерес к оружию так его и не захватил, оставшись в далеком детстве.

С большим удовольствием он любил рассматривать изображения различных зверей и птиц в толстых томах энциклопедии Брема...

Первый выстрел напугал, второй – вызвал восторг. Наган дернулся, рука еле удержала его. Невидимая пуля летит сквозь темный заснеженный лес, мимо спящих стволов сосен, мимо

елочек, напоминавших по-зимнему закутанных детей – только веселые глазки посматривают из-под ветвей, укрытых снежными сугробиками. И куда она, эта пуля, улетела – неизвестно. А для нашего героя она до сих пор все летит и летит через тот ночной новогодний лес.

Теплая и снежная зимняя ночь, новогодняя оттепель, заваленная снегом дача – финский домик из нескольких комнаток, тесный коридорчик, продуваемый сквозняком, кабинет хозяйина с кушеткой, накрытой клетчатым пледом, у окна простецкий письменный стол, а в ящике стола...

Маленький, но широкий и плотный Витька, смуглый, с румянцем во всю щеку, блестя черными озорными глазами, по-хозяйски выдвигает ящик.

– Налетай, подшевели!

Из присказки: «Налетай, подшевели, расхватили – не берут!». Не очень-то понятен смысл. «Что именно подшевели?» «Что именно расхватили?» и «Что, наконец, не берут?» При всем, притом, эта разухабистая фразочка внедрилась в сознание, даже, наверное – в подсознание...

Владимир Семенович, не смотря на охватившее его любопытство, даже попятился от стола: «Как можно залезать в отцовский ящик! Да еще набитый оружием!». А уж в этом он имел колоссальный опыт – в лазанье по ящикам папиного письменного стола. Да и не только стола!

Мальчики не сразу решаются взять пистолеты, смущенно посмеиваются, переглядываются.

– А если он узнает? – спрашивает Сережа.

– Чепуха! – успокаивает Витька. – Мы чего? Мы постреляем и назад положим!

После тех новогодних каникул Владимир Семенович бесчисленное число раз на протяжении многих лет приезжал в этот дачный поселок, но никак не узнавал того таинственного, сказочного поселения, каким увидел его впервые. Он и рвался-то сюда из Москвы в ожидании таинственной сказки, а вместо этого оказывался в скучноватом запущенном дачном поселке, со старенькими облупленными дачами, дырявыми заборами, неряшливыми кустами. Да и вместо того сказочного новогоднего, лес оказывался каким-то неухоженным, скучным.

Весь поселок был вдоль и поперек исхожен – и вместе с Сережей, к которому он приезжал в гости, и в одиночестве. Изучены чуть ли ни все тропинки в ближайшем лесу. Даже казалось, (такая странность!), вернее, он был убежден, что ему знаком здесь не то, что каждый куст орешника или бузины, а каждый листок на этих кустах, хотя, разумеется, вся листва к зиме опадала, а на следующий год появлялась новая.

И этот изученный дачный поселок никак не совпадал с тем, впервые увиденным...

Я (то есть, Владимир Семенович) напрочь потерял всякую ориентировку в пространстве. Словно бы вылетел из скучной реальности и переместился в мир грез. И этот мир грез стал единственно реальным – по-настоящему теплым, родным. О том же мире, в котором я жил до этого и в котором мне предстояло жить в дальнейшем, и воспоминаний не осталось.

Владимира Семеновича очень сердил факт несовместимости двух впечатлений.

Получалось, что одно и то же место, которое ты когда-то посетил и куда потом вернулся, может восприниматься по-разному. Взять, например, ту прекрасную новогоднюю ночь – снежную, сырую, ветреную. Больше такой ночи в его жизни не случалось. И, как уже было сказано, даже иногда казалось, что он ее себе навоображал или же она ему приснилась.

Вот ветер затихает, наступает тишина, словно бы кто-то выключает в природе звук, и в этой огромной всеобщей тишине слышится далекий лай собаки. Кого собака зовет? Что хочет сказать? И тут снова ударяют в лицо порывы плотного, какого-то весеннего, оттепельного ветра, и сквозь его шум за лесом отчетливо различается настойчивое постукивание колес

железнодорожного состава, тяжелого и бесконечно длинного. И вдруг раздается отдаленный гудок, словно ночной поезд кричит:

– Я здесь! Я здесь! Я здесь!

И в руке тупо вздрагивает от выстрела тяжелый пистолет.

Ого! Да в этом поселке, увиденном впервые, могут случаться разные события, происходить разные встречи. И они происходят.

Юная душа Владимира Семеновича, совсем еще мальчика, наполнилась такой любовью, что на глаза навернулись слезы, и за всю новогоднюю ночь они так и не успели высохнуть. Сказать точнее – не успевали высохнуть. Во всяком случае, ему так казалось, и при этом он к собственному удивлению совсем не стеснялся своих мокрых глаз.

Пробравшись оживленной и потной ватагой через заваленный снегом лес из одного конца дачного поселка к другому, компания оказались возле обычного в этом поселке финского домика, где их оказывается, уже ждали. Там уже было довольно много гостей, а вместе с новыми их стало еще больше. Однако в воспоминаниях о той ночи никому из новых знакомых не досталось места – только хозяйкам дачи, двум чудесным сестричкам, абсолютно неотличимым друг от друга, двойняшкам, которых почему-то называли противным словом «близняшки».

И не успели мальчишки, разгоряченные стрельбой и борьбой с сугробами, ввалиться в натопленную дачу, как влюбчивый Владимир Семенович сразу потерял голову. Да, сестричек было две, но влюбился-то он лишь в одну из них, ту, что вдруг схватила его за руку и увлекла из жарко натопленной комнаты с новогодней елкой и накрытым столом на террасу.

Когда они оказались на темной и холодной летней террасе, девочка смело сжала его лицо теплыми ладошками и быстро ткнула своими мягкими губами в его напряженные губы. Они даже зубами стукнулись!

Подобного еще никогда не бывало в жизни Владимира Семеновича.

– Я – Саша, – довольно громко сказала, почти крикнула девочка, и добавила: – А сестру зовут Оля.

Ее голос, какой-то низкий и очень взрослый, и взял Владимира Семеновича за душу.

– А я – Вова... – пролепетал он и почему-то спросил словно бы вдогонку случившемуся: – Чего это ты?

Саша таинственно прошептала:

– Подожди, Вова. Я сейчас...

И исчезла, оставив мальчика одного на темной и холодной дачной террасе.

Отвлечемся. К чему, вообще-то, рассказывается о том детском поцелуе? Пришедший на память эпизод не имеет никакого отношения к задуманному Владимиром Семеновичем роману (литературному произведению), но раз уж вспомнился, пусть остается. Не сейчас, так когда-нибудь в будущем пригодится.

Отличить девочек одну от другой на первых порах невозможно. Да и не только на первых порах: даже школьная учительница начальных классов путала своих учениц. Что уж говорить о Владимире Семеновиче, который увидел сестер вообще впервые. И нечего удивляться, что он не заметил подмены, когда вместо одной двойняшки на террасу явилась другая, и целовался он уже с ней. Пойди, пойми: те же сияющие от счастья глаза, тот же сводящий с ума низкий голос, почти бас, те же прохладные губы, но уже не на губах, а на пылающей мальчишеской щеке.

Владимир Семенович попался двойняшкам именно в тот период их жизни, когда свои школьные, озорные опыты по подмене друг друга на уроках они перенести в частную жизнь.

Ничего удивительного, что, когда вдруг на террасу с веселым смехом выбежали справляющие Новый Год, окружили парочку и захлопали в ладоши, Владимир Семенович рассердился, а вспыхнувшая в душе любовь к коварной девчонке исчезла навсегда.

Через несколько часов, той же ночью, пятеро вооруженных друзей вернулись к Витьке на дачу и возвратили оружие на место. Один за другим пистолеты и оставшиеся патроны перекочевали из карманов юных стрелков в ящик хозяйского стола. А вот Сережа так и не смог расстаться со «своим» браунингом. В конце концов, ничего не случится, если он им еще немного повладеет.

Ящик с пистолетами Витька захлопнул, а браунинг остался в кармане Сережиной зимней куртки.

На следующее утро, а точнее – на следующий день, проснувшись после ночных приключений, Сережа, осознавший весь ужас своего поступка, разбудил своего гостя, и они вместе с Владимиром Семеновичем отправились возвращать браунинг.

Вопреки ожиданию, Витькины родители, которые только к утру вернулись из Москвы, где встречали Новый Год в гостях, радушно встретили приятелей своего сына. Они усадили их за стол, накрытый к позднему завтраку.

У хозяина под расстегнутым генеральским кителем – толстый вязаный свитер из той же грубой серой шерсти, что и просторная кофта хозяйки. Да и у Витьки такой же свитер, как у отца. Хозяйка, наверное, сама и вязала все эти вещи.

Генерал, судя по всему, и не знал ничего о пропавшем браунинге. Да и о ночной стрельбе тоже.

Сережа громким шепотом попросил Витьку выйти из комнаты, потому что ему надо сообщить что-то очень важное. Владимир Семенович тоже вылез из-за стола и вслед за Витькой и Сережей прошел в коридор.

– Мне нужно в кабинет, – прошептал Сережа Витьке на ухо.

– Зачем?

– Пистолет положить.

– Какой еще пистолет! – воскликнул Витька со смехом и подмигнул Владимиру Семеновичу. – Ты что – того? Мы же ночью все вернули.

Сережа, молча, вытащил из кармана брюк маленький браунинг.

– А как же...? – во весь голос крикнул Витька, но осекся: в коридоре появились родители. Генерал спокойно взял из дрожащих рук Сережи пистолет, ловко, как фокусник, извлек из рукоятки пустую обойму (все патроны Сережа за ночь расстрелял), зашел в кабинет и спрятав пистолет в ящик стола. Повернулся и тут нос к носу столкнулся со своей женой.

– Все, братцы, бой закончился полной нашей победой. Ура, товарищи!

И широко улыбнулся. Но Витькина мама не разделяла его радостного настроения.

– Да что это такое, в конце концов! – грозно проговорила она. – Мальчишки и есть мальчишки! На себя посмотри! Натаскал оружия полный дом и сидишь, как ни в чем не бывало!

– Что значит, натаскал?! – обиделся боевой генерал. – Все-таки война была, а не хрен собачий.

– Он один воевал!

– Я этого не говорю...

– Он этого не говорит!

Напряжение нарастало.

Муж вжал свою круглую бородатую голову в плечи, отвернулся и тут же получил кулачком по спине.

– Дурак ты, безмозглый!

В душе Владимира Семеновича нечто странное творилось. Он был в смятении. Первый день наступившего нового года в самом разгаре. Ему уже удалось стряхнуть с себя наваждение праздничной ночи со всеми ее удивительными приключениям (хождение через заваленный мягким снегом лес, пальба из пистолета, вспыхнувшая любовь и жаркие поцелуи с девочками близнецами). Он уже чувствовал себя своим в этом дачном поселке среди новых людей, кото-

рых до этого никогда не видел – кроме, разумеется, Сережи и его родителей. Для него все здесь, как и во всей жизни, ясно и понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.